Master Negative Storage Number

OCI00053.12

Polnochnyi kolokol, ili, Tainstva

Moskva

1897

Reel: 53 Title: 12

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00053.12

Control Number: ABI-8718
OCLC Number : 07545485
Call Number : W 381.5917n P766
Title : Polnochnyi kolokol, ili, Tainstva kogenburgskago zamka : v dvukh chastiakh.
Imprint : Moskva : Izdanie S.A. Zhivareva, 1897.
Format : 2 v. in 1 (216 p.) ; 17 cm.
Note : Cover-illustration in color.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: CA

ПОЛНОЧНЫЙ КОЛОКОЛЪ

ИЛИ

ТАИНСТВА КОГЕНБУРГСКАГО ЗАМКА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

W 108

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца С. А. Живарева.
1897.

Дозволено цензурою. Москва, 2 Ноября 1896 г.

Типо-литографія Г. И. Простакова Петровка, д. № 17 Савостьяновой.

ГЛАВА I.

Графъ Когенбургъ происходилъ изъ знатнѣйшей Саксонской фамиліи. Замокъ его, лежавшій на одномъ изъ рукавовъ Эльбы, былъ знаменитѣйшій во всей Германіи. Богатство его было несчетно: словомъ, онъ былъ изъ первыхъ въ вѣкѣ своемъ.

Въ молодости еще онъ женился на второй дочери Бранденбургскаго маркиза. Отъ многихъ дѣтей только старшій и самый младшій пережили мать свою. Графъ Когенбургъ, оплакивая жену свою въ продолженіи многихъ лѣтъ и самъ во гробъ послѣдовалъ за нею. Альфонсъ, старшій сынъ его, былъ тогда 26 лѣтъ, а Фридерикъ около пяти.

При физіономіи болѣе пріятной, нежели красивой, молодой графъ Альфонсъ имѣлъ стройный станъ, образованный разумъ; тихій нравъ, благотвореніе и подозрительность были главными чертами его характера.

Напротивъ того Фридерикъ, какъ казалось и рожденъ былъ для того только, чтобы обворожать сердца собою. Правильныя, милыя, выразительныя черты составляли его физіономію, станъ красивый и высокій, а такъ какъ и Альфонсъ имѣлъ воспитаніе рачительное, но не будучи столько приверженъ къ ученію, онъ уступалъ въ этомъ пунктѣ брату своему, но при всемъ томъ однако жъ живость и острота были видны во всѣхъ словахъ его. Хотя отъ природы онъ былъ горячъ и вспыльчивъ, но жаръ гнѣва его былъ ни что иное, какъ минутная вспышка. Достигнувъ до 22 года, Фридерикъ влюбился въ одну прекрасную богатую сироту—дѣвицу изъ Люксембурга, купилъ домъ по сосѣдству замка брата своего и когда женился на любезной своей Софіи,

то воображалъ что уже навсегда основалъ ту высочайшую степень счастія, которая опредѣлена человѣку для наслажденія.

Предъ окончаніемъ перваго года его брака рожденіе сына болѣе усугубило его счастіе.

Графъ Альфонсъ, будучи свидѣтелемъ благополучія брата своего вознамѣрился и самъ раздѣлить его, онъ рѣшилъ жениться и избралъ изъ всѣхъ дѣвицъ, составляющихъ украшеніе нѣмецкихъ дворовъ Анну, единственную дочь герцога Кобленца, дѣвицу одаренную всѣми прелестями, при ловкомъ тонкомъ станѣ, при ласковости въ характерѣ, имѣющую въ физіономіи своей такую выразительность, такое *нѣчто*, что самую красоту превышало, а въ обращеніи могущественную очаровательность.

Вскорѣ послѣ сего Альфонсъ пересталъ завидовать брату, такъ при истеченіи десяти мѣсяцевъ Анна родила сына, почти въ тотъ же самый день, въ который

Софія вторично разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Сынъ графа Альфонса получилъ имя отца своего.

Въ слѣдующій же годъ Софія вновь родила ребенка, рожденіе котораго ей стоило жизни.

Природа одарила Фридерика слишкомъ великою чувствительностью; твердость его въ это время исчезла почти совершенно; но время отъ времени слезы его, осушаемые рукою брата, сдѣлались наконецъ ему не столь горькими.

Анна, какъ нѣжная сестра, истощала на дѣтей Фридериковыхъ всѣ старанія бдительной матери; лаская ихъ она утѣшала отца ихъ и всѣми способами старалась разсѣять грусть его, такъ что она успѣла наконецъ облегчить нѣсколько тяжесть его горести.

Альфонсъ любилъ съ нѣжностью брата своего, и чтобъ усладить горесть его онъ пожертвовалъ бы всѣмъ тѣмъ, что только было для него драгоцѣнно, выключая стараніе и усердіе Анны своей; онъ считалъ

за невозможность удѣлять другому даже малѣйшую часть той любви, которою она ему обязана, „но она по мнѣ любитъ его, „любя меня не оставляетъ она Фридерика „въ уединеніи—съ одною своею горестію!“ —говорилъ онъ часто самъ себѣ.

Альфонсъ впрочемъ, зналъ уже несчастную свою наклонность къ ревности и старался безпрестанно побороть оную, но страсть эта составляла существенную часть бытія его, ему не возможно было восторжествовать надъ нею.

Надзирая безпрерывно надъ поступками брата своего, онъ часто искалъ случая читать подтвержденіе мнѣнія своего въ чертахъ графини, находящейся съ Фридерикомъ — онъ утопалъ въ своемъ заблужденіи. Иногда также онъ рѣшался просить прощенія у жены своей въ той несправедливости, которую онъ ей дѣлалъ въ сердцѣ своемъ, но воображая, что этотъ поступокъ послужитъ Аннѣ только къ открытію такого заблужденія, въ чемъ она ни мало не подозрѣвала его, онъ рѣ-

шился никогда впредь недавать мѣста ревности въ груди своей.

Послѣдній изъ дѣтей Фридериковыхъ пережилъ мать свою только нѣсколькими часами. По окончаніи трехъ годовъ послѣ того и старшій соединился во гробѣ съ прахомъ матери и брата своего. Несчастный Фридерикъ выдержалъ этотъ ударъ для того только, чтобъ выдержать еще ужаснѣйшій—вскорѣ дочь его умерла въ объятіяхъ его. Рокъ казалось увеселился, удручая его.

Фридерикъ, предпринявъ оставить театръ всѣхъ своихъ несчастій, рѣшился путешествовать. Почему простясь какъ можно скорѣе, съ братомъ и сестрой своею оставилъ ихъ.

Отсутствіе его продолжалось четыре года. По возвращеніи изъ путешествія характеръ его перемѣнился совершенно: онъ сдѣлался задумчивымъ, разсѣяннымъ и если говорилъ, то произносилъ однѣ только жалобы, словомъ, въ немъ не осталось ни одной черты прежняго его характера.

Графъ Альфонсъ былъ тронутъ состояніемъ его, но ревность все еще торжествовала надъ его усиліями. Адскія подозрѣнія возобновились въ душѣ его; онъ только старался скрывать ихъ отъ глазъ жены своей и брата своего.

По окончаніи восьми мѣсяцевъ Фридерикъ опять оставилъ Саксонію.

Тогда то уже жалость закралась въ сердцѣ Альфонса; онъ воображалъ, что братъ его, любя Анну, ищетъ средствъ восторжествовать надъ страстію и частымъ отсутствіемъ старается погасить или, по крайней мѣрѣ скрыть оную.

Графиня часто говорила о необыкновенной перемѣнѣ характера Фридерикова и слова, какими она изъяснялась въ подобныхъ случаяхъ, увѣрила Альфонса въ томъ, что братъ его не наслаждается взаимною любовію. Это увѣреніе причиняло ему живѣйшее удовольствіе; но при всемъ томъ онъ всегда желалъ, чтобъ братъ его не возвращался.

По прошествіи пяти лѣтъ Фридерикъ возвратился въ Германію, пожилъ немно-

го въ Саксоніи и потомъ путешествовалъ опять два года. При послѣднемъ его возвращеніи безпокойство и движенія духа его казалось превратились въ глубокую меланхолію. Онъ возвратился въ домъ свой и изъявилъ желаніе проводить тамъ жизнь свою въ одиночествѣ.

Альфонсъ, хотя и полагалъ, что братъ его нашелъ какое-нибудь средство побѣдить сердце супруги его и что уединеніе его есть ни что иное, какъ хитрый предлогъ, которымъ онъ хочетъ удалить справедливыя его подозрѣнія, однако жъ онъ снова предпринялъ твердое намѣреніе скрывать это въ сердцѣ своемъ и примѣчать только за нимъ.

Единственный сынъ графа Альфонса былъ уже на двадцать седьмомъ году своего возраста. Черные быстрые глаза, крутыя брови украшали мужественную физіономію его. Волосы въ естественныхъ локонахъ обвивались вокругъ шеи его, свѣжая живость лица его возвѣщала крѣпость его здоровья, улыбка удовольствія всегда лежала на губахъ его. Живой и

проницательный отъ природы разумъ его украшенъ былъ рѣдкими познаніями.

Протекъ уже годъ Фридерикова возвращенія изъ путешествій, какъ необходимое дѣло, относящееся къ духовной ихъ отца, принудило Альфонса ѣхать въ столицу Германіи.

Наканунѣ отъѣзда своего онъ посѣтилъ брата, простился съ женою и съ своимъ сыномъ.—„Теперь уже Анна совершенно во власти Фридерика!“—Эта мысль остановила шаги его въ ту минуту, когда онъ проходилъ обширную залу къ ожидающей его колескѣ.—„Но неужели у ней нѣтъ чести, Ангела хранителя ея?... Нѣтъ!—я не буду подозрѣвать брата моего!“ Съ этою мыслію онъ оставилъ замокъ и поѣхалъ въ сопровожденіи стараго и вѣрнаго слуги своего.

Протекло два мѣсяца отсутствія Альфонса. Дѣла его не позволяли ему назначить времени своего возвращенія. Во всѣхъ письмахъ къ женѣ своей онъ изъявлялъ живѣйшее желаніе видѣть ее въ непродолжительномъ времени.

Наконецъ часъ его прибытія назначенъ. Уже графиня ожидала его со всѣми наружными знаками нетерпѣливости и любви супружеской, какъ по утру того самаго дня, въ который онъ долженъ былъ пріѣхать, служитель, ему сопутствующій прибылъ въ замокъ господина своего. Безпокойные взоры графини, казалось, требовали тому изъясненія.

— Развѣ графъ послалъ тебя напередъ, вскричала она.

— Увы!... никакъ нѣтъ сударыня.

— Нѣтъ!... такъ онъ умеръ? онъ убитъ?... произнесши слова сіи, она упала безъ памяти.

Въ самомъ дѣлѣ страхъ ея былъ небезоснователенъ. Старый служитель принесъ печальное извѣстіе, что два разбойника, выбѣжавъ изъ лѣсу, лежащаго въ двухъ миляхъ отъ замка Когенбургскаго напали на графа и умертвили его кинжалами.

Горькія слезы облегчили нѣсколько отчаяніе молодого Альфонса, и какъ скоро горесть позволила говорить ему, онъ въ

ту же минуту приказалъ старому служителю скакать и увѣдомить дядю его объ ужасномъ приключеніи, при томъ же какъ можно скорѣе просить его въ замокъ.

Пришедъ въ себя, несчастная Анна подала знакъ рукою окружающимъ ее служителямъ выйти изъ комнаты. Оставшись одна съ сыномъ своимъ — она сказала: „Альфонсъ, знай! твой дядя убійца отца твоего. Клянись мнѣ отмстить смерть своего родителя“.

Немогши ничего промолвить отъ удивленія, Альфонсъ устремилъ изумленные взоры на мать свою. „Ты удивляешся, ты не вѣришь, чтобъ лицемѣрный Фридерикъ дошелъ до такого преступленія; но.... знай!... никогда пылкое воображеніе твое не можетъ нарисовать столь страшнаго, столь чернаго чудовища, каковъ дядя твой!... Охъ если бы мнѣ возможно было сказать тебѣ....“ Она остановилась.—„Объяснитесь, матушка, ради Бога объяснитесь“.—„Нѣтъ!—Я не могу... Я не хочу дать тебѣ столь ужаснаго понятія о братѣ отца твоего.... мо-

жетъ быть будетъ время, когда ты.... Она опять остановилась. — „Я не могу досказать того, что начала.... Запечатлѣй эту тайну въ груди своей!... но поклянись мнѣ, поклянись небомъ, что если откроется убійца, то ты отмстишь отца своего....“ — „О матушка! можете ли вы думать, чтобъ я отказался отъ моего священнаго долга. Ахъ!... Откройте мнѣ виновнаго только, и я клянусь вамъ небомъ, что сей же часъ моя шпага пронзитъ мерзкое сердце его!“ — „Я узнаю сына своего! Да сохранитъ Богъ дни Альфонса моего!... О! мой другъ! тебѣ неизвѣстенъ еще Фридерикъ, но.... придетъ время.... время тебѣ покажетъ все!...“

Наконецъ Фридерикъ пріѣхалъ. Физіономія и поступки его имѣли на себѣ всѣ знаки притворной горести. Альфонсъ едва могъ сносить его присутствіе, онъ воображалъ видѣть подтвержденіе заключеній своей матери и уже былъ готовъ упрекать графа въ ужасномъ беззаконіи. Но желаніе видѣть доказательства его преступленія принудило его хранить молча-

ніе; при всемъ томъ однако жъ онъ немогъ остаться долгое время съ тѣмъ, кого почиталъ убійцею отца своего, онъ убѣжалъ изъ покоевъ, произнося задыхающимся отъ рыданія голосомъ: „О родитель мой, о родитель мой!“

Подъ вечеръ графъ возвратился домой. Старый служитель, принесшій горестное извѣстіе, получилъ повелѣніе ѣхать на то мѣсто, гдѣ убитъ былъ господинъ его и перенести тѣло его въ замокъ съ возможною осторожностію, а графъ Фридерикъ принялъ на себя сдѣлать нужные приготовленія къ погребенію брата своего.

По отъѣздѣ дяди своего Альфонсъ снова настаивалъ и просилъ мать свою открыть ему тѣ причины, по которымъ она подозрѣвала графа Фридерика.—„Не настаивай болѣе, отвѣчала она, я не могу открыть тебѣ.... Время развяжетъ слова мои, но припомни; Альфонсъ, о клятвѣ своей!“—„Я и еще клянусь вамъ устоять въ словѣ своемъ“.

По утру графъ Фридерикъ пріѣхалъ въ замокъ. По пріѣздѣ его Альфонсъ избѣ-

жалъ его присутствія, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ; онъ желалъ быть одинъ, чтобъ съ большею силою предаться своей горести въ уединеніи.

По истеченіи нѣсколькихъ часовъ, вообразивъ, что дядя его уже уѣхалъ, онъ взошелъ въ ту комнату, гдѣ оставилъ мать свою и какое было его удивленіе, увидя ее стоящую предъ графомъ на колѣняхъ и осыпающую поцѣлуями руку его! Анна, вставъ и воздѣвъ руки свои къ небу бросилась въ кресла, а графъ прислонился къ окну, возлѣ котораго онъ находился,— „Гдѣ я? сказалъ Альфонсъ самъ себѣ, какъ могу я сообразить поступокъ съ мнѣніемъ матери моей въ разсужденіи Фридерика?..“

Спустя минуту Фридерикъ уѣхалъ, и Альфонсъ первый прервалъ молчаніе: „вы приказывали мнѣ, сударыня, сказалъ онъ матери своей, не спрашивать о разъясненіи вашихъ подозрѣній, но....“ Онъ хотѣлъ продолжать, но графиня встала и заливаясь слезами, вышла изъ покоевъ.

Мучаясь ужасными подозрѣніями Альфонсъ бѣгалъ по комнатѣ, бросался на полъ, вставалъ, выходилъ изъ покоевъ, входилъ въ садъ, прогуливался, садился— все было безполезно, страшная неизвѣстность отягощала шаги его; мрачная ядовитая черта подозрѣнія проникла въ сердце его.

Подъ вечеръ графиня приказала ему сказать, что она не будетъ ужинать, а Альфонсъ, облокотясь на столъ, подпершй рукою свою голову, удрученную горестями и не видѣлъ того, что кушанье уже было подано. Возвратясь заранѣе въ свою комнату, тщетно искалъ онъ въ сладкомъ успокоеніи минутнаго забвенія своихъ горестей, перечитывалъ письма отца своего, писанныя въ продолженіи его отсутствія, но и тутъ слезы мѣшали ему читать ихъ, онъ бросился въ постель свою. Лампада, готовая погаснуть, бросала на предметы предъ глазами его свѣтъ блѣдный и трепещущій; эти мрачныя сцены казалось еще болѣе придавали мрачности его размышленіямъ.

Било полночь. Всѣ жители Когенбургскаго замка находились въ сладкомъ забвеніи, всѣ спали; одинъ только Альфонсъ распростершись на своей постели разсуждалъ о происшествіяхъ прошедшаго дня.— Вдругъ пронзительный крикъ поражаетъ слухъ его и выводитъ его изъ размышленій. Крикъ, казалось ему, выходилъ изъ комнатъ его матери. Альфонсъ всталъ, прислушивался, но болѣе уже ничего не могъ услышать, молчаніе царствовало повсюду.—„Горесть ея лишила ее разума! вскричалъ онъ наконецъ. О! несчастная женщина! да усладитъ небо твои горести!....“ Вздохнулъ, пролилъ нѣсколько слезъ и упалъ на свою подушку. Вскорѣ сонъ закрылъ тяжкія вѣжды его, онъ уснулъ и едва только началъ наслаждаться въ первый разъ спокойствіемъ послѣ смерти отца своего, какъ стукъ отворившихся спальныхъ дверей разбудилъ его. Заря уже показывалась, и Альфонсъ при помощи разсвѣта во взошедшей къ нему особѣ узналъ несчастную мать свою. Встревоженный видъ ея испугалъ его. Глаза

ея были неподвижны. Всѣ черты лица ея изъясняли ужасное отчаяніе. Всклокоченные волосы ея упадали въ безпорядкѣ на длинную робу, которой она была окутана.— „Альфонсъ! сказала она сыну своему, выслушай меня. Повинуйся приказаніямъ твоей матери и не требуй отъ меня никакого объясненія!... Ступай!.... Бѣги сію же минуту изъ замка!... и если ты еще любишь жизнь свою.... если ты боишься Бога!.... то.... никогда, никогда не смѣй и приближаться къ нему!“

Альфонсъ, бросившись наканунѣ въ постель не раздѣваясь, вскочилъ съ нее почти въ безпамятствѣ.—„Къ чему послужитъ горестная эта нечаянность? вскричалъ онъ. Неужели вы страшитесь, чтобъ дядя мой не отважился и на второе предпріятіе столь же мерзкое, какъ и первое.—Не бойтесь за меня, матушка, не бойтесь, я устою въ клятвѣ своей“.

Анна испустила пронзительной крикъ.— „Нѣтъ уже болѣе у тебя матери—ты самъ погибъ! — Дядя твой невиненъ! — Намъ обѣимъ остается одно только средство ко

спасенію.—Бѣги отсюда!... бѣги меня!... бѣги дяди твоего!... Возьми этотъ кошелекъ и не возвращайся никогда въ замокъ! — Ступай, осѣдлай самъ себѣ лошадь и бѣги между тѣмъ, какъ слабый утренній мракъ будетъ покровительствовать побѣгу твоему—обними меня!—Охъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!.... Это было бы....“ Слезы прервали слова ея.—„Ступай, наконецъ, сказала она, дай Богъ чтобъ небо благословило тебя, чего мнѣ запрещено и надѣяться“.

Она дала ему кошелекъ, рука ея была обагрена кровію, и Альфонсъ затрепеталъ увидя это. Онъ не могъ сказать ни одного слова; слова его показывали графинѣ его смущеніе. — „Ахъ! бѣги, бѣги, избавь меня.... я заклинаю тебя—бѣги!“ вскричала она.

Произнесши послѣднія слова эти, она выбѣжала изъ Альфонсовой комнаты и заперлась въ спальнѣ своей.

Удивленный, устрашенный видѣннымъ и слышаннымъ, Альфонсъ стоялъ какъ окаменѣлый; онъ разсуждалъ, на что ему

рѣшиться въ такомъ случаѣ.—„Неужели, несчастная мать моя лишилась разума? Нѣтъ, нѣтъ!!! вскричалъ онъ, я не могъ бы въ томъ обмануться! — Это не безуміе!... Она безъ сомнѣнія имѣетъ сильное къ тому побужденіе, когда приказываетъ мнѣ убѣгать себя.... Но для чего бы ей скрывать отъ меня?.... Она сказала, что дядя мой невиненъ.... Невиненъ?.... Я не понимаю. Но что до того нужды. Моя должность—повиноваться“. Онъ вышелъ изъ комнаты, и когда проходилъ покои матери своей, дверь спальни отворилась.—„Скорѣе, любезный мой Альфонсъ! вскричала ему Анна. Онъ остановился; но дверь уже была заперта. Онъ сошелъ на первый дворъ и поднялъ съ трудностію тяжелыя, желѣзные поперечники, запирающіе ворота замка, дошелъ до конюшенъ, осѣдлалъ любимую лошадь свою и съ удрученнымъ сердцемъ съ недоумѣніемъ въ головѣ бросилъ послѣдній, горестный взоръ на древнее жилище предковъ своихъ и оставилъ Когенбургскій замокъ.

— Если ты еще любишь жизнь свою, если ты боишься неба, бѣги меня, бѣги изъ сего замка! повторялъ онъ безпрестанно, разбиралъ слова эти при ихъ произношеніи, думалъ проникнуть въ таинственный смыслъ ихъ и терялся въ непостижимомъ лабиринтѣ. Углубившись въ самого себя, не видя окружающихъ предметовъ, онъ проѣхалъ почти пять миль безъ остановки, не спрашивая даже самого себя, куда ѣхалъ онъ, при томъ же и не зная еще, какъ отвѣчать себѣ на вопросъ сей.

Вдали на вершинѣ одного холма представилось взору его селеніе, котораго церковный шпицъ возвышался изъ-за густого лѣса, его окружающаго.—Туда направилъ онъ путь свой. При въѣздѣ его въ оное, поселяне выходили на работы и пожирали его любопытными взорами своими. Альфонсъ радовался, увидя, что онъ имъ былъ неизвѣстенъ и служилъ только однимъ предметомъ пустого любопытства. Давши отдохнуть лошади своей онъ оставилъ селеніе сіе. Онъ желалъ какъ мож-

но скорѣе оставить ту часть страны, въ которой легко могутъ узнать его. Не имѣя никакихъ причинъ скрывать себя, онъ чувствовалъ однако жъ, что ему трудно будетъ отвѣчать на вопросы знакомцевъ его, куда онъ ѣдетъ, и въ какомъ состояніи находится его фамилія.

Отъѣхавъ нѣсколько миль нравственныя и физическія силы его ослабѣли, онъ остановилъ лошадь свою, привязалъ ее къ пню одного дерева и хотѣлъ отдохнуть въ гостепріимной сѣни сей.

Разсужденіе не могущее дать развязки предмету нашихъ размышленій и дѣлающее непримѣтнымъ бѣгъ времени сокращаетъ его. Посему-то и Альфонсъ оставилъ травяную постель свою уже при закатѣ солнечномъ.

Отъѣхавъ еще около трехъ миль и увидавъ на дорогѣ одинъ бѣдный трактиръ, рѣшился провесть въ немъ ночь. Стаканъ вина возвратилъ ему нѣсколько силъ, и это было первою пищею въ сей ужасный день, выключая нѣсколько чистой ручейной воды, которою онъ утолилъ жаръ,

пожирающій его внутренность въ продолженіи дороги.

Поужинавъ безъ аппетита и не чувствуя въ себѣ ни малаго расположенія ко сну, онъ уединился однако жъ въ своей комнатѣ.

ГЛАВА II.

Ночь протекла для него такъ какъ протекъ и день въ безполезныхъ догадкахъ и въ пустыхъ заключеніяхъ. Съ трудомъ на зарѣ онъ уснулъ на одну минуту.

Съ наступившимъ днемъ родились въ немъ разсужденія о способахъ продолжать жизнь свою честнымъ образомъ. Армія показалась ему такимъ убѣжищемъ, какого искалъ онъ. А какъ имперія вела тогда съ Польшею войну, то онъ и рѣшился опредѣлиться волонтеромъ въ какой-нибудь новый изъ тѣхъ полковъ, которые каждый день набирались. Расплатившись съ трактирщикомъ, онъ отправился въ Берлинъ. Путешествіе его было не долговременно; подъ вечеръ второго дня онъ пріѣхалъ въ городъ, остановился въ од-

номъ трактирѣ и на другой день поутру попросилъ хозяина своего привести къ нему купца на его лошадь; потому что, рѣшившись записаться въ службу,—онъ зналъ, что жалованья его недостанетъ на прокормленіе ея.

Бродя по городу, онъ удивлялся красотѣ публичныхъ зданій и разспрашивалъ имена основателей и архитекторовъ ихъ, такъ что въ продолженіи двухъ дней эта полезная и пріятная прогулка разбила мрачность мыслей его. Но прелесть исчезла вмѣстѣ съ новостью. Размышленіе возродило безпокойства и горести. Онъ нѣсколько разъ рѣшался возвратиться въ замокъ матери своей.

„Когда дядя мой невиненъ! говорилъ онъ самъ себѣ, какъ мать моя сама мнѣ объявила это, то чего же бояться мнѣ его?.... Но она заклинала меня не искать случаевъ видѣть его... Какое же бы было побужденіе сего страннаго поступка?— Для чего бы ей скрывать его отъ меня?— Неужели.... они.... оба.... участвовали въ убійствѣ отца моего?... Неужели мать

моя дала дымящуюся кровію Альфонса руку свою графу Фридерику... Неужели она изгнала меня изъ замка для того только, чтобъ удалить несноснаго свидѣтеля, котораго взгляда она не могла бы переносить?...“

Эта мысль почти помутила разумъ его. „Нѣтъ! нѣтъ! возразилъ онъ, мать моя не будетъ столь преступна!... Но если бы она не была такою, то нашелъ ли бы я ее на колѣняхъ передъ графомъ?... Это не для обману было выдумано; они не знали скораго моего прихода. Какая же была причина сего таинственнаго поступка и того еще необыкновеннаго побужденія, того утренняго явленія, когда она мнѣ приказала оставить замокъ свой?.... Что бы такое означали тѣ кровавыя пятна, въ которыхъ дымилась рука ея?... Ума недостаетъ.—Какое тайное несчастіе тяготитъ сердце ея? И конечно не въ моей волѣ находилось облегчить тяжесть сего бремени, иначе она испросила бы моей помощи.—Быть такъ. Я

не умножу ея бѣдствій преслушавъ ея повелѣніе!..“

Рыданіе прервало слова его, теплыя молитвы о счастіи и спокойствіи матери его возлетѣли къ нему изъ груди его.

На третій день пребыванія его въ Берлинѣ хозяинъ привелъ къ нему человѣка, предлагающаго ему за лошадь цѣну довольно выгодную. Не вдругъ рѣшился Альфонсъ продать лошадь свою; въ совершенномъ сиротствѣ своемъ—въ своемъ одиночествѣ онъ не имѣлъ на землѣ ни единаго друга, и лошадь для него была драгоцѣннѣйшее твореніе; ему многаго стоило разстаться съ симъ единственнымъ свидѣтелемъ прошедшаго его счастія.—„Если бы мнѣ возможно было содержать ее! говорилъ онъ самъ себѣ. Но нѣтъ! малая сумма денегъ моихъ скоро, скоро истощится, и тогда.... Она ваша!... наконецъ вскричалъ онъ, возьмите, но ради Бога поберегайте ее“.

Онъ ушелъ въ покои и не хотѣлъ видѣть болѣе своей лошади. Существенный предметъ тогда совсѣмъ не занималъ мы-

слей его. Онъ до тѣхъ поръ и не помышлялъ о деньгахъ, пока хозяинъ бросивъ на столъ флорины, не вывелъ его изъ задумчивости.

Окончивъ это дѣло, первое его намѣреніе было вступить въ армію волонтеромъ. Получивъ цѣну своего обязательства, исправилъ мундиръ и увидѣлъ съ удовольствіемъ, что подъ этимъ платьемъ никто не можетъ признать его.—Не зная совершенно, извѣстны ли свѣту несчастія его фамиліи, онъ чувствовалъ однако жъ величайшее, непобѣдимое отвращеніе освѣдомляться о томъ.

Но наконецъ по счастію шумъ войны вывелъ его изъ разсѣянности; такъ какъ отвратительныя, прошедшія картины представлялись ему только въ уединеніи.

Уже около трехъ мѣсяцевъ онъ находился въ службѣ императорской какъ полкъ, въ коемъ онъ находился, получилъ повелѣніе вступить въ одну деревню, лежащую въ четырехъ миляхъ отъ Берлина. Въ слѣдующій же мѣсяцъ армія пошла на кампанію. Будучи силенъ, храбръ и

дѣятеленъ, Альфонсъ имѣлъ случаи показывать въ продолженіи войны столько присутствія духа и храбрости, что былъ замѣченъ и пришелъ въ любовь своего полковника.

Сей офицеръ назывался Аріено. Италіанское окончаніе имени его удивляло Альфонса.—„Аріено, говорилъ онъ, служитъ въ Германіи—любимъ своими солдатами, одолженъ чиномъ своимъ самому императору—сражается съ удивительною храбростію и при всемъ томъ это ясно, что онъ италіанецъ“.

Аріено со дня на день болѣе и болѣе привязывался къ Альфонсу и ни одного случая не упускалъ изъявлять ему свое дружество, такъ что Альфонсъ начиналъ уже опасаться быть узнаннымъ; но онъ весьма обманывался.

При возвращеніи арміи на зимнія квартиры Аріено просилъ Альфонса провесть съ нимъ вмѣстѣ время отдохновенія. Графъ принялъ предложеніе съ признательностію и рѣшился жить у него (по-крайней мѣрѣ онъ такъ думалъ) въ ка-

чествѣ служителя; но онъ пріятно обманулся. Аріено самъ былъ дитя горести. По мрачному и задумчивому виду, по отрывистымъ словамъ, по развлеченности, Аріено почелъ его жертвою горестей; тайная симпатія привязывала его къ молодому графу, а предрасполагающая наружность его выиграла его расположеніе такъ, что Аріено рѣшился сдѣлать его товарищемъ и другомъ своимъ.

Жилище Аріено находилось близъ деревни, въ трехъ миляхъ отъ Франкфурта. Старушка, которой было ввѣрено стараніе о домѣ въ продолженіи лѣта и двое друзей составляли тамъ всю семью.

Физіономія Аріено не скоро располагала людей къ нему, но добродѣтели наполняющія сердце его, вскорѣ выигрывали дружество и почтеніе знающихъ его. Разговоры его въ одно и тоже время нравились и поучали, и Альфонсъ никогда не уставалъ слушая его, когда онъ тономъ человѣка жестоко людьми разобиженнаго разсуждалъ о превратностяхъ жизни и

обманахъ человѣческихъ и о увѣренности въ будущности.

Такимъ образомъ протекли многіе дни и Аріено нимало не касался струнъ чувствительныхъ молодого друга своего; но наконецъ, онъ прервалъ молчаніе. — „Я вижу, милый другъ мой, говорилъ онъ, въ тебѣ есть нѣчто такое, что показываетъ, что истинное твое въ свѣтѣ достоинство очень превышаетъ то состояніе, въ которомъ я узналъ тебя“.

Альфонсъ молчалъ, но замѣшательство его оправдывало замѣчаніе полковника. — „Можетъ быть какая-нибудь тайна тяготитъ сердце твое, продолжалъ Аріено, открой мнѣ причину его, быть можетъ, я и помогу облегчить бремя твое — по крайней мѣрѣ, я раздѣлю его“. — Альфонсъ молчалъ. — „Не довольно ли ты вызналъ меня, присовокупилъ Аріено, чтобъ увѣриться, что одно только счастіе твое находится въ виду моемъ, а не удовлетвореніе пустого любопытства?“ — „О мой другъ, единственный другъ мой! вскричалъ Альфонсъ взявъ руку Аріено, я одол-

женъ вамъ всѣмъ. Никогда, никогда моя признательность не сравнится съ такими благодѣяніями! вы достойны всей моей довѣренности. Но я скорѣе отрекусь отъ утѣшенія, которымъ я наслаждаюсь здѣсь по вашей милости, нежели открою вамъ мою тайну. Ахъ! такъ, такъ! она должна быть вѣчно погребена въ этомъ бѣдномъ сердцѣ!“ — „У меня не было намѣренія оскорбить тебя, не опасайся ничего, другъ мой! я никогда не возобновлю впредь вопросовъ своихъ“. (Молчаніе.) — „Вы италіянецъ?“ —„Точно. Вы безъ сомнѣнія удивляетесь видя меня въ императорской службѣ? — „Я долженъ вамъ признаться“. — „Вы скоро перестанете удивляться. Исторія моя недолга, я перескажу вамъ ее“. — „Но я не имѣю права ожидать отъ васъ такой довѣренности“. — „Не сомнѣваюсь чтобъ вы не имѣли довольно причинъ скрывать тайну свою, я напротивъ желалъ бы, чтобъ исторія моя была извѣстна всему свѣту“.

Альфонсъ согласился и Аріено началъ такимъ образомъ:

„Графъ Аріено, отецъ мой, былъ благородный венеціанецъ. Онъ обладалъ несчетнымъ богатствомъ; домъ его, стоящій на одну милю отъ Венеціи, былъ самый великолѣпнѣйшій. Сады его были богаты и обширны. Красота и изящество гондолъ его было безподобное. Въ молодыхъ лѣтахъ женился онъ на дочери одного богатаго женевскаго сенатора, которую онъ увидѣлъ по случаю во время карнавала. Она была единственная дочь его, почему по смерти отца своего, случившейся въ третій годъ послѣ этого брака, сдѣлалась наслѣдницею всего богатства отца своего. Въ продолженіи шести первыхъ годовъ ихъ союза, она произвела на свѣтъ трехъ сыновей и одну дочь. Сестра моя была самая старшая. Стефано, братъ мой родился послѣ нея, а я—спустя годъ послѣ его рожденія, младшій же изъ братьевъ моихъ умеръ еще въ младенчествѣ.

„Въ эту эпоху, съ которой я начну повѣсть свою, братъ мой былъ уже девятнадцати лѣтъ. Гордъ, лживъ, скупъ, Стефано прикрывалъ душу свою пріят-

ною наружностью. Былъ любимцемъ матери моей, имѣющей неограниченную власть надъ своимъ мужемъ".

„Довольно вамъ сказать, что съ самаго моего младенчества братъ мой всѣми возможными способами доказывалъ свое комнѣ отвращеніе, чтобъ увѣрить васъ, что жребій мой не такъ былъ завиденъ.

Близъ дома моего отца жила вдова, называемая синьора Бартини, съ двумя дочерьми. Не бывъ богатою, она жила безъ всякой нужды; но въ красотѣ и добродѣтеляхъ дочерей ея заключалось такое сокровище, которое превосходитъ всѣ богатства. Старшая вышла за француза Шевалье и уѣхала съ нимъ во Францію; младшая же Камилла при первомъ взорѣ произвела на сердцѣ моемъ такое впечатлѣніе, что ни стараніе ни время не могли загладить оное. Будучи увѣренъ однако жъ, что неравенство состоянія и счастія не позволитъ мнѣ никогда жениться на ней съ согласія моей фамиліи, я рѣшился заключить любовь сію въ сердцѣ своемъ. Но часто, очень часто взоры мои измѣняли

мнѣ—сама Камилла, казалось мнѣ, раздѣляла мои чувствованія.

Въ одинъ вечеръ подъ исходъ лѣта я взошелъ, по обыкновенію своему, въ маленькой садикъ синьоры Бартины, въ ту самую минуту, когда братъ мой выходилъ изъ дому ея. Проходя мимо меня, онъ кричалъ:—„Мой визитъ кончился весьма кстати, я это предвидѣлъ!!!“ кричалъ онъ и продолжая путь свой, помиралъ со смѣху.

Привыкнувъ къ насмѣшкамъ брата моего, и не обративъ вниманія на слова его, я взошелъ въ покои. Камилла, облокотясь на окошко, утопала въ слезахъ; мать ея сидѣла возлѣ нея. Смѣсь противоположныхъ мыслей и подозрѣній объяла меня въ ту же самую минуту. Я спрашивалъ о причинѣ слезъ ея; но мать ея дала мнѣ на то малозначущую причину и склонила разговоръ нашъ на другіе предметы. Не имѣя силъ скрыть смущенія своего я ушелъ отъ нихъ. Отецъ мой, мать моя и братъ мой садились за столъ въ минуту моего прихода.—„Я не думалъ, чтобъ этотъ вечеръ мы имѣли удовольствіе наслаждать-

ся вашею компаніею“, сказала мнѣ мать моя, увидѣвъ меня.—„Что это значитъ, сударыня?“—„Я виноватъ! простите мнѣ. Но можетъ быть, не унимала ли васъ синьора Бартини?.... Однако жъ любовники очень смѣлые люди“.

Говоря сіе, она и братъ мой помирали со смѣху, а я кусалъ губы отъ злости.—„Неужели вы находите что-нибудь худого въ томъ, что я хожу въ домъ этотъ? И если такъ, то мнѣ подалъ къ тому примѣръ старшій братъ мой“.

Не зная, что отвѣчать на мои слова, они продолжали хохотать; а отецъ мой бросилъ на меня грозный взоръ.—„Ты и не думай жениться, сказалъ онъ, безъ моего согласія и припомни, что я Камиллу Бартини почитаю за послѣднюю изъ тѣхъ женщинъ, на которой бы я тебѣ позволилъ жениться“.

Сраженіе было не равное, на мою долю оставалось одно молчаніе.

Послѣ этого домъ отца моего сдѣлался мнѣ ненавистнымъ. Я вознамѣрился

путешествовать, попросилъ позволенія и получилъ его безъ отговорки съ прибавкой еще довольно крупной суммы денегъ. Скорость и удобность, съ какою отецъ мой согласился на мое прошеніе, хотя меня нѣсколько и опечалили, но мнѣ нужно было тогда одно только его позволеніе. Я видѣлъ ясно, что такая его немилость ко мнѣ была дѣйствіемъ его предубѣжденій противъ меня. Но какъ бы то ни было, по полученіи позволенія, я побѣжалъ къ Камиллѣ, хотѣлъ проститься съ нею, но представьте, какое было мое удивленіе, когда я узналъ, что ея въ Венеціи уже болѣе не было, что она уѣхала къ сестрѣ своей во Францію! Поступокъ ея показался мнѣ необыкновеннымъ, почему, и не спросивъ изъясненія у матери ея, я на другой же день уѣхалъ изъ родительскаго дома.

Въ теченіи шести мѣсяцевъ я ничего не слыхалъ о своей фамиліи, писалъ къ матери моей, просилъ изъяснить причину столь необыкновенно долгаго молчанія и адресовать ко мнѣ письма въ Сицилію.

Спустя шесть недѣль послѣ этого, получаю отъ матери нѣсколько строкъ, которыми она увѣдомляла меня о смерти отца моего и принуждала меня возвратиться въ Венецію; почему, не теряя времени, я полетѣлъ въ домъ отца моего и прибылъ въ самый день похоронъ его. Духовная его уже была распечатана. Но, вообразите, если вы только можете, все мое удивленіе, когда при чтеніи услышалъ я слѣдующій параграфъ:

„*Второму сыну моему Филиппу за непослушаніе его я оставляю 500 секиновъ, дабы только дать знать ему, что я не забылъ его и желаю, чтобъ онъ исключенъ былъ изъ всѣхъ правъ на все прочее мое имѣніе*“.

Это было для меня громовымъ ударомъ. Въ первую минуту я былъ пораженъ до крайности; но спустя нѣсколько времени оправился и, осыпавъ проклятіями беззаконника, обманувшаго отца моего, бросивъ на брата своего взглядъ, могущій его увѣрить въ томъ, что я узналъ пропырство его,—оставилъ домъ отца. По-

бѣжавъ къ синьорѣ Бартини, встрѣтилъ у воротъ служанку, которая мнѣ сказала, что госпожа ея поѣхала къ дочеримъ во Францію. — „А какъ называется мѣсто ея пребыванія?“ спросилъ я ее. — „Монтпелье“. — „А зять ея?“ — „Шевалье д' Альбертъ“.

Я не буду наскучать вамъ подробными разсказами тѣхъ мыслей и размышленій, которыя занимали меня въ продолженіи моей ѣзды въ Монтпелье, скажу вамъ только то, что подозрѣніе мое въ разсужденіи моего брата впослѣдствіи подтвердилось. Несчастный! его-то лживые доносы лишили меня почтенія и дружества моего родителя!.

Прибывъ въ Монтпелье, я былъ принятъ госпожею д' Альбертъ. — „Вы конечно удивились, сударыня, увидѣвъ меня, но..“

Здѣсь взошла синьора Бартини въ комнату. Я поздравилъ ее. Она сдѣлала знакъ дочери своей оставить насъ однихъ. По уходѣ ея, я сѣлъ возлѣ Бартини и думалъ, какъ начать рѣчь свою. Всѣ прекрасныя рѣчи, приготовленныя и выучен-

ные во время дороги, исчезли изъ моей памяти. Я только что могъ ее спросить о Камиллѣ.—„Ахъ! синьоръ, сказала нѣжная мать, моя дочь!... рука смерти уже распростерлась надъ нею“.

До сихъ поръ я еще не зналъ, что такое есть несчастіе, всѣ прочія мои горести были весьма слабы въ сравненіи съ сею горестію. Я упалъ съ креселъ, на которыхъ сидѣлъ. Хладъ смерти объялъ существо мое—съ трудомъ синьора Бартини возвратила мнѣ мою жизнь.—„Неужели вы любили, синьоръ, бѣдную дочь мою? сказала она.—„Любилъ ли я? Великій Боже, ниспошли мнѣ средства доказать, какъ искренно я ее любилъ!“—„Ахъ! синьоръ и вы были любимы, но узнавъ, что вы женились на другой, она“.. Новая рана сердцу моему!

Тогда синьора Бартини разсказала мнѣ, что въ тотъ вечеръ, въ которой я встрѣтился съ вышедшимъ отъ нихъ братомъ моимъ и нашелъ въ слезахъ дочь ея, мой коварный братъ дѣлалъ Камиллѣ предложенія самыя оскорбительныя,

и синьора Бартини, страшась отказомъ своимъ возбудить гнѣвъ этого высокомѣрнаго и мстительнаго человѣка, отослала дочь свою во Францію.

Она разсказала также, что Камилла, услышавъ объ отъѣздѣ моемъ изъ Венеціи, заключила, что я забылъ ее, и предалась мрачной меланхоліи; и что къ пущему ея несчастію за два мѣсяца предъ прибытіемъ моимъ въ Монтпелье, она получила моей руки письмо, извѣщающее ее о женитьбѣ моей.—„Сіе извѣстіе, продолжала синьора Бартини, низвело ее въ отчаяніе; силы ея исчезли, нормальныя способности ослабѣли, и мы теперь съ часу на часъ ожидаемъ той минуты, которая пресѣчетъ ея горести“.

Узнавъ изъ показаннаго мнѣ письма руку брата своего, я увѣдомилъ синьору о расположеніи духовной отца моего и далъ ей понять, сколько мнѣ надѣлалъ зла братъ мой. Она раздѣляла горесть мою; я раздѣлялъ ея; мы плакали вмѣстѣ и наши слезы проистекали изъ одного источника.

Предъ исходомъ дня милая моя Камилла скончалась. Какъ вамъ изобразить горесть мою при этой ужасной новости? Ты самъ можешь почувствовать ее, а слова не имѣютъ силы дать о ней точнаго понятія.

По утру, не взирая на всѣ усилія матери и сестры Камиллы, я вбѣжалъ въ ту комнату, гдѣ лежалъ трупъ ея. Ахъ! какъ смерть исказила красоту ея! Боже мой! какихъ горестей не чувствовало бѣдное сердце мое въ эти скорыя минуты, въ которыя я смотрѣлъ на обезображенное лицо! Удрученный скорбію, не чувствуя самъ себя, покрывалъ я поцѣлуями похладѣвшія губы ея.—Сцена была жестока—я упалъ, и не знаю, какимъ образомъ былъ вынесенъ изъ комнаты. Вотъ такъ-то погибла отъ лжи невинная и несчастная жертва!

По окончаніи погребальной церемоніи, я возвратился въ Венецію. Измѣна моего брата совершенно обнаружилась, я узналъ, что онъ, показавъ ложное письменное свидѣтельство и выписку изъ ре-

естровъ книги, одной приходской Монтпельской церкви, увѣрилъ отца моего о женитьбѣ моей на Камиллѣ. Я дышалъ тогда однимъ только мщеніемъ; но размышленія привели меня къ чувствамъ разсудительнѣйшимъ и дали мнѣ почувствовать, что я ничего не выиграю, проливъ кровь брата своего. Я счелъ за подлость просить его и о томъ маломъ наслѣдствѣ, которое оставилъ мнѣ отецъ, и рѣшился навсегда оставить Венецію.

Пріѣхавъ въ Германію, я опредѣлился волонтеромъ въ императорскую службу и служилъ подъ управленіемъ самого императора 32 года. Щедроты его поставили меня на тотъ постъ, который я теперь занимаю. Мой братъ обладаетъ несмѣтнымъ богатствомъ, а я наслаждаюсь сокровищемъ гораздо драгоцѣннѣйшимъ, котораго онъ никогда не будетъ чувствовать, т. е. одобреніемъ своей совѣсти.

Поблагодаря за довѣренность, Альфонсъ объявилъ ему, какое онъ великое принимаетъ участіе въ его горестяхъ, и спрашивалъ его, слышалъ ли онъ по отъѣздѣ

своемъ изъ Венеціи что-нибудь о своей фамиліи.—„Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ я случайно узналъ, мать моя жила недолго послѣ смерти отца и что мой братъ женился вскорѣ послѣ смерти отца на весьма богатой невѣстѣ, умершей также при разрѣшеніи дочерью—первымъ ребенкомъ. Послѣ того также случайно узналъ я отъ одного офицера, что во время пребыванія его въ городѣ, онъ весьма часто слышалъ о недавнемъ побѣгѣ единственной дочери графа Аріено.—Этотъ графъ скупъ до чрезвычайности, говорилъ онъ, хотѣлъ выдать дочь свою за такого же богача, какъ онъ и самъ; но дочь его была уже влюблена въ одного нѣмецкаго графа. Но, не взирая на это, отецъ принудилъ ее выйти за одного дворянина, отъ котораго она, спустя нѣсколько времени, и убѣжала, такъ что всѣ поиски послѣ того были безполезны; помнится мнѣ, что любовникъ моей племянницы назывался графъ Когенбургъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ Саксонскихъ фамилій. Вотъ такимъ-то образомъ прови-

дѣніе лишило брата моего единственной его дочери и наказало скупость его!“

При имени *Когенбургъ* Альфонсъ перемѣнился въ лицѣ, но Аріено того не примѣтилъ. Мучимый любопытствомъ онъ спрашивалъ полковника, что побѣгъ племянницы его съ ея любовникомъ одною ли догадкою или однимъ пустымъ заключеніемъ почитаютъ?..—„Такъ какъ всѣ старанія отца и мужа ея, отвѣчалъ Аріено, были безполезны, то и положили, что она убѣжала съ своимъ любовникомъ“.

Тщетно Альфонсъ старался сообразить сіе повѣствованіе съ какою-нибудь частію жизни отца или дяди своего. Отецъ его никогда не отлучался изъ замка на столько времени, чтобъ образовать связь такого рода, а хотя бы во время маловременныхъ отлучекъ онъ и нашелъ удобный случай къ тому, то однако жъ пламенная и постоянная любовь его къ женѣ своей не допустила бы его рѣшиться на это. Правда, дядя его долгое время находился въ отлучкѣ въ то время, которое Аріено полагаетъ эпохою побѣга

своей племянницы; но онъ пріѣзжалъ въ Саксонію очень часто и всегда при томъ одинъ; впрочемъ, они одни были во всей Германіи, которые носили имя *Когенбургъ*. Положивъ навѣрное, что симъ любовникомъ не могъ быть отецъ, подозрѣнія его упали на Фридерика. Онъ и тутъ искалъ развязки своего недоразумѣнія о смерти отца своего и поступковъ его матери, такъ что разумъ его, запутавшись въ размышленіяхъ, почти начиналъ теряться въ заключеніяхъ.

ГЛАВА III.

Предъ тѣмъ временемъ, въ которое обыкновенно арміи идутъ на кампанію, Аріено получилъ ордеръ собрать полкъ свой. Альфонсъ и благодѣтельный другъ его съ сожалѣніемъ оставили то спокойное убѣжище, гдѣ они въ продолженіи весьма короткаго времени вкушали сладостныя утѣшенія дружества. Благодаря Альфонса за посѣщеніе, Аріено просилъ его проводить съ нимъ вмѣстѣ и слѣдующую зиму.

Въ половинѣ лѣта Аріено потерялъ жизнь въ одномъ сраженіи на границахъ имперіи; въ тотъ же самый день Альфонсъ, упавъ съ лошади, переломилъ себѣ правую руку. Выздоровѣвъ, онъ услы-

шалъ о смерти друга своего и лучше еслибъ сіе извѣстіе лишило его жизни!

Онъ выздоровѣлъ отъ болѣзни своей уже при окончаніи кампаніи; а спустя нѣсколько времени нѣмцы одержали рѣшительную побѣду надъ Польшею, которая и окончила долговременную и кровавую войну сію. Многіе изъ новобранныхъ полковъ были распущены, а изъ другихъ раненые получили отставку: да и Альфонсъ, котораго рука находилась еще въ слабости, не разсудилъ за благо оставаться долѣе въ арміи; онъ рѣшился искать другихъ средствъ и средствъ менѣе опасныхъ для своего пропитанія.

На многихъ выборахъ онъ рѣшился испросить себѣ мѣста въ новооткрытомъ въ Богеміи серебряномъ заводѣ. Полкъ его былъ распущенъ въ Прагѣ, почему ему и не много стоило перейти, чтобъ успѣть въ своемъ предпріятіи. Услуги его тамъ были приняты, и его опредѣлили не къ столь тяжелой должности.

Товарищи его, предпринимая труды самые жестокіе, съ потомъ лица своего *по-*

жирали, во всей силѣ значенія сего слова, хлѣбъ свой и предавались удовольствію съ большимъ еще стремленіемъ въ короткія минуты ихъ отдохновенія; они смѣялись, пѣли неумолкая, разсказывали одинъ другому такіе анекдоты, какіе кто знаетъ. Общая веселость присутствовала при всѣхъ трудахъ ихъ. Особливо они съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ слушали Альфонса, когда разсказывалъ онъ имъ приключенія войны, въ которой онъ находился. Многіе изъ нихъ также служили нѣкогда; почему эти повѣствованія ихъ трогали гораздо болѣе, нежели другихъ— они перерывали его ежеминутно, чтобъ и самимъ имъ имѣть удовольствіе разказать что-нибудь подобное, что они или слышали, или чему они въ продолженіи своей службы были свидѣтелями.

Цѣлый годъ Альфонсъ проводилъ въ этомъ мрачномъ жилищѣ; ни одинъ человѣкъ еще къ нимъ снова не опредѣлился; почему и бесѣды ихъ сдѣлались скучными отъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же разсказовъ. Въ такомъ случаѣ

они положили, чтобъ подъ вечеръ каждый рудокопникъ разсказалъ по череду происшествія своей жизни.

По случаю Альфонсу досталось первому разсказывать свои приключенія. Ему не трудно было выдумать короткую и простую сказку, которая совершенно получила цѣль свою, не заслуживъ ни особеннаго вниманія, ни презрѣнія отъ своихъ слушателей. Немного спустя времени жребій упалъ на одного молодого человѣка, котораго природная веселость весьма часто и прежде производила веселый хохотъ въ товарищахъ его. — „Исторія моя не длинна, сказалъ онъ; отецъ мой и мать моя, двѣ самыя добрыя души, держали на откупѣ аренду у графа Когенбурга, въ Нижней Саксоніи, на берегахъ Эльбы“.

Альфонсъ усугубилъ вниманіе. — „О если бы достойный графъ и теперь живъ былъ, я бы никогда здѣсь не былъ! Вотъ тѣ на! почему знать? Можетъ быть былъ бы я и въ худшемъ еще состояніи! Отъ всей души моей благодарю я Ангела-хра-

нителя своего, сюда меня приведшаго, и дай Богъ чтобъ впредь ничего со мной худшаго не было!—Очень хорошо! такъ, отецъ мой хотя не происходилъ отъ *великихъ* фамилій, но *великая* фамилія, однако жъ отъ него произошла; потому что отецъ мой, считая со мною, имѣлъ пятнадцать человѣкъ дѣтей!“

Шумный хохотъ одобрилъ остроту рудокопника.—„Очень хорошо! такъ, отецъ мой, какъ я уже вамъ и прежде сказывалъ, держалъ аренду у графа. Награждая щедро бѣднаго отца моего, онъ даже обѣщалъ ему сдѣлать нѣчто въ пользу и дѣтей его. Вѣчная ему память!... Ну!... вотъ уже два года съ половиною, какъ я работаю на этихъ заводахъ, такъ допрежде еще восьмью мѣсяцами моего сюда прибытія графъ предпринялъ одно путешествіе. Я не знаю доподлинно, гдѣ онъ былъ? Думаю, что онъ ѣздилъ видѣть нашего императора, но.... однако жъ я не могу васъ въ томъ увѣрить“.

Здѣсь всякому удобно вообразить нетерпѣніе Альфонса. — „Очень хорошо!

въ тотъ день, когда его ожидали, старый Роберть, слуга, его провожавшій, принесъ въ замокъ извѣстіе, что онъ за нѣсколько миль отъ замка, упавъ съ лошади, убился. Роберть получилъ повелѣніе возвратиться и погребсти господина на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ. Очень хорошо!—Теперь слушайте же самую разительнѣйшую часть моей исторіи. Умершій графъ имѣлъ сына 17 или, такъ сказать, 18 лѣтъ. Вотъ былъ бравый молодецъ! онъ нѣсколько походилъ на меня. Только... только что онъ не работалъ на заводахъ!“

Работники засмѣялись, а Альфонсъ испустилъ глубокій вздохъ.—„Очень хорошо!—вдругъ сынъ пропалъ!—да сгинула также и графиня. Все перешарили, вездѣ переискали — и наверху и нанизу — все было безполезно! Нѣкоторые говорили, что эта честная женщина, въ ужасномъ сумашествіи своемъ, причиненномъ смертію мужа ея, убила сына своего, да послѣ какъ образумилась, то такъ тоска ее обуяла, что она и сама себя убила.

Очень хорошо! —что жъ всего вѣроятнѣе, такъ вотъ что! Вскорѣ послѣ этого въ замкѣ поселились черти и каждой ночи въ полночь изволятъ забавляться, звоня въ большой колоколъ полуденной башни, т. е. въ тотъ самый часъ, въ который графиня убила молодого графа". —„А видѣлъ ли ты хотя одного черта? сказалъ одинъ изъ его товарищей. —„Нѣтъ, право нѣтъ! потому что никто не смѣетъ и приступить къ замку. По праву онъ принадлежалъ графскому брату. Ну онъ такъ и пріѣхалъ въ него; но прожилъ въ немъ не болѣе одного или двухъ дней; потому что, увидя и услыша такія чудеса, онъ не возъимѣлъ желанія тамъ долѣе остаться. Распустилъ всѣхъ слугъ, заперъ замокъ, оставилъ эту сторону и далъ полную власть чертямъ забавляться на просторѣ. —Божусь вамъ, что никто не вздумалъ сдѣлать имъ компаніи. —Очень хорошо! —Ну какъ отъ графа уже не было никакой помощи и отцу моему нечѣмъ было содержать дѣтей своихъ, то многіе изъ братьевъ моихъ оставили отеческій домъ и пошли

искать счастія, которое я нашелъ въ сихъ заводахъ. Я самый веселый рудокопникъ, и хотя наша должность нѣсколько *низка*, но я думаю на столько же почтенна, какъ и должность многихъ вельможъ, живущихъ на *поверхности* земли".

Здѣсь молодой человѣкъ кончилъ повѣсть свою. Шумъ аплодированій раздавался во всемъ собраніи.—Наконецъ, поблагодаря его, разошлись всѣ отдыхать послѣ дневныхъ трудовъ своихъ. Альфонсъ не могъ уснуть. Новое поле открылось его заключеніямъ, въ первый разъ по прошествіи двухъ лѣтъ онъ услышалъ о своей фамиліи, и эта особенность заставляла его думать, что смерть отца его и приключенія замка не столь еще извѣстны свѣту.—„Замокъ оставленъ, и звонъ колокола среди ночи!"—Онъ мало вѣрилъ духамъ, но съ другой стороны, онъ воображалъ, что бы заставило кого-нибудь жить въ такомъ замкѣ, который находится подъ секвестромъ? И какимъ образомъ остаться тамъ не сдѣлавшись извѣстнымъ? Онъ не вѣрилъ, чтобъ мать его умерла;

но молодой рудокопникъ говорилъ о ней весьма много. Разумъ его безпрестанно разбиралъ слышанное имъ; но всѣ размышленія приводили его на тотъ же самый пунктъ, который былъ началомъ всѣхъ его разсужденій.

Спустя нѣсколько времени, въ которое Альфонсъ не смѣлъ разспрашивать подробно рудокопника, узналъ онъ отъ него, что были нѣкоторые, которые и подозрѣвали графа Фридерика въ убійствѣ брата своего, такъ какъ графини и сына ихъ и что онъ учинилъ сіе для того только, чтобъ завладѣть замкомъ симъ.—„Но если бы это была правда, присовокупилъ рудокопникъ, то кто бы могъ его принудить выѣхать изъ замка?“—„Совѣсть“ сказалъ себѣ Альфонсъ.

Но мать его объявила ему, что дядя его невиненъ, почему онъ и рѣшился не подозрѣвать болѣе того, котораго невинность она сама подтвердила.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, одинъ дворянинъ, путешествуя по Богеміи, посѣтилъ изъ любопытства заводъ сей. Аль-

фонсу съ нѣкоторыми другими приказано было провожать его. Служитель, ему сопутствующій, проходя по одной узкой пластинѣ, находящейся надъ самымъ глубочайшимъ рвомъ рудокопнымъ, не примѣчалъ, сколь гибка доска, по которой шелъ онъ. Нога его поскользнулась, онъ не могъ сохранить равновѣсія и упалъ стремглавъ въ пропасть. Смерть была неизбѣжна. Онъ разбился на части. Баронъ Кордсфельдъ (такъ назывался дворянинъ) весьма опечалился потерею служителя своего, нѣсколько уже лѣтъ при немъ находившагося, особенно такого служителя, въ вѣрности и привязанности къ нему котораго онъ имѣлъ много случаевъ удостовѣриться. Онъ вышелъ въ ту же минуту на поверхность. Лошадь служителя, привязанная въ недальнемъ разстояніи отъ рудокопа весьма поразила его. Онъ предложилъ Альфонсу довольное награжденіе, если только онъ пожелаетъ проводить лошадь въ ближній городъ, и Альфонсъ принялъ это предложеніе съ

радостію. —Въ ту же минуту они оставили этотъ заводъ.

Съ нѣкотораго времени Альфонсъ начиналъ чрезмѣрно скучать своимъ положеніемъ; но онъ не могъ перемѣнить своего состоянія; такъ какъ причина, которая его побудила вступить въ печальное жилище, была одна и та же, которая его и удерживала тамъ — нужда. Невыказавъ себя, онъ не зналъ другихъ средствъ къ продолженію своей жизни; но пламенное желаніе возвратиться въ общество, надѣясь проникнуть въ ту тайну, которою духъ его безпрестанно занимался, часъ отъ часу въ немъ возрастало—мучило его; поэтому-то онъ и рѣшился представить себя барону на мѣсто потерянаго слуги его.

Баронъ сдѣлалъ ему множество вопросовъ о способности его выполнять должность новаго состоянія, въ которое онъ вступить вознамѣрился. Альфонсъ отвѣчалъ на все удовлетворительно, будучи увѣренъ, что онъ весьма удобно сдѣлаетъ то для другого, что дѣлалъ для самого

себя.—Привлекательные поступки Альфонса расположили къ нему барона; онъ принялъ его и увѣдомилъ начальника рудокопныхъ заводовъ, что Альфонса онъ у себя удерживаетъ.

Кардсфельдъ былъ около лѣтъ тридцати, холостъ; при ласковыхъ поступкахъ онъ имѣлъ тихій характеръ, если только никто не разгорячитъ его; ибо тогда гнѣвъ его выходилъ изъ предѣловъ своихъ.

Посѣтивъ замужнюю сестру свою, живущую въ Прагѣ, онъ возвращался въ свой замокъ, лежащій не въ дальнемъ разстояніи отъ Инспрука. Въ то время случай заставилъ Альфонса быть его служителемъ.

Исполняя, къ великому удовольствію господина своего, съ точностію и скоростію возложенныя на его должности, онъ пришелъ въ любовь къ нему.

Имѣя случай часто ѣздить въ Инспрукъ, онъ всѣми мѣрами старался подавать поводъ къ разговорамъ о своей фамиліи, слышалъ часто повѣсти о мнимыхъ духахъ, о волшебникахъ, которымъ простой

народъ въ этой части Германіи слѣпо вѣрилъ;—но ни одного слова не слыхалъ ни о имени, ни фамиліи, ни о замкѣ Когенбургскомъ и начиналъ уже думать, что повѣсть молодого рудокопника основывается на одномъ только нелѣпомъ воображеніи нѣкоторыхъ суевѣровъ.

Баронъ былъ игрокъ и хотя не проигрывалъ большихъ суммъ, но почти большую часть жизни своей убилъ за карточнымъ столомъ.

Въ одинъ день игралъ онъ въ шахматы съ однимъ иностранцемъ. Въ половинѣ игры антагонистъ его принужденъ былъ по случаю выйти на минуту. Баронъ выигралъ уже многія партіи, почему иностранецъ, стыдясь безпрестанныхъ потерь своихъ, взошедъ въ залу увѣрялъ, что баронъ взялъ назадъ одну изъ проигранныхъ своихъ пѣшекъ.—Въ бѣшенствѣ баронъ хватается за шпагу и вызываетъ антагониста своего изъ залы; но иностранецъ былъ или счастливѣе или искуснѣе, опасно ранилъ его.—Баронъ отнесенъ былъ домой. Рана его была смертельна. Потерявъ

много крови, онъ лишился языка. Узнавъ Альфонса, онъ отдалъ ему кошелекъ свой. Со слезами на глазахъ Альфонсъ поцѣловалъ руку господина своего и вышелъ изъ комнаты. Баронъ, дернувъ за полу исповѣдника своего, показалъ ему глазами на уходящаго Альфонса. Монахъ понявъ, что онъ препоручалъ въ его покровительство этого молодого человѣка, обѣщалъ ему имѣть объ немъ попеченіе. Спустя около часа, баронъ умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Какой страшный, но полезный для игроковъ урокъ!

ГЛАВА IV.

Раздавъ нужныя приказанія и сдѣлавъ всѣ погребальныя приготовленія, монахъ говорилъ Альфонсу: — „Молодой человѣкъ! ты, мнѣ кажется, очень опечаленъ смертію господина твоего?“ — „Ахъ! батюшка, я лишился.... я потерялъ единственнаго друга моего!“ вскричалъ Альфонсъ, проливая горькія слезы. — „Не отчаявайся, другъ мой! благодѣтель твой препоручилъ тебя мнѣ, и я постараюсь куда-нибудь пристроить тебя; ты можешь положиться на мое слово“.

Эти слова нѣсколько успокоили безпокойство Альфонса. — „Прощай, другъ мой! надѣйся на Бога, положись на Его провидѣніе. Онъ вознаградитъ потерю твою. Я приду сюда завтра“.

Монахъ ушелъ, и Альфонсъ на другой день нашелъ себя въ спокойнѣйшемъ положеніи.

Въ назначенный часъ отецъ Маттей пришелъ къ нему.—„Здравствуй, другъ мой!“ — „Здравствуйте, батюшка!“ — „Оставивъ тебя я непрестанно помышлялъ о тебѣ; такъ какъ обѣщанія, данныя умирающимъ должны быть священны—а особливо для насъ—служителей алтаря. Я обѣщалъ барону стараться о твоей участи и какъ мнѣ кажется, я нашелъ для тебя мѣсто. Выслушай! и подумай о томъ.— Я духовникъ Сенъ-Еленскаго монастыря, на милю отсюда отстоящаго. Недѣли съ двѣ тому назадъ умеръ *сакристенъ* этой обители и мѣсто его еще не занято. Не угодно ли тебѣ быть его наслѣдникомъ?“

Альфонсъ принялъ его предложеніе и монахъ обѣщалъ проводить его въ монастырь въ тотъ же самый вечеръ.

Бросивъ послѣдній и унылый взоръ на обезображенное уже тѣло несчастнаго господина своего, въ назначенный часъ

Альфонсъ пустился съ монахомъ въ дорогу.

Монастырь Сенъ-Елены былъ обширнѣйшее зданіе; черныя и покрытыя плющемъ башни удостовѣряли о древности его, а изсѣченные на сѣрыхъ стѣнахъ его изображенія возвѣщали священное его назначеніе.

Монахъ отворивъ двери, находящіяся близъ притвора церковнаго, отъ которыхъ ключъ онъ всегда носилъ съ собою, впустилъ Альфонса въ пространный монастырь. Въ концѣ монастыря другая дверь препровождала во внутренній, низкій дворъ обители. Къ угламъ двора примыкались длинные корридоры, въ которыхъ по двумъ сторонамъ расположены были кельи инокинь. По широкой лѣстницѣ они достигли келій перваго этажа. Покои игуменьи выдавались на самый дворъ. Приказавъ Альфонсу слѣдовать за собою, монахъ взошелъ въ комнаты ея—засталъ ее одну и разсказалъ ей, кто такой былъ этотъ молодой человѣкъ. Игуменья приняла его ласково и поговоривши нѣсколько межъ собою, она

сказала ему, что такъ какъ онъ еще не знаетъ должностей новаго своего назначенія, то привратница будетъ сотовариществовать ему и наставлять его въ продолженіи трехъ первыхъ сутокъ; почему посовѣтовавъ ему исправлять съ точностію и съ ревностію важныя свои должности, она позвонила въ колокольчикъ, привратница взошла. Игуменья объявила ей, что Альфонсъ заступаетъ мѣсто умершаго сакристена, приказала ей показать его комнату и дать ему всѣ нужныя для него наставленія. Послѣ этого Альфонсъ вышелъ за привратницей. Сія инокиня имѣла около пятидесяти лѣтъ. Время ее совершенно исказило, характера была угркмаго и неизсякаемо болтливаго.— „Ступай, слѣдуй за мною, сказала она Альфонсу, по выходѣ отъ игуменьи, пойдемъ—я покажу тебѣ твою горницу.....

Альфонсъ окинувъ глазами своими, увидѣлъ крестъ, висящій подъ сводомъ надъ главами ихъ, и повиновался ея приказанію.— „Мнѣ не такъ трудно будетъ, продолжала привратница, наставить тебя

къ должности твоей. Ты будешь здѣсь проводить жизнь, увѣряю тебя, самую пріятную, блаженную. Вотъ слушай! вечерни отходятъ, въ восемь часовъ благовѣсти и прибери притворъ къ вечернему моленію. Въ полночь благовѣсти и пріуготовь притворъ къ ночному служенію. Въ шесть часовъ благовѣсти и прибери притворъ къ утреннему бдѣнію, въ десять часовъ благовѣсти и пріуготовь церковь для литургіи. Въ четыре часа вечера заблаговѣсти и прибери притворъ для вечеренъ. Вотъ только тебѣ и дѣла! Ну также ты долженъ пособлять мнѣ выметать притворъ и держать свойственныя украшенія.—А прочимъ временемъ располагай по своему желанію“.

Наконецъ, они пришли въ комнату сакристенову.—„Здѣсь, вскричала привратница, отворивъ двери, ты будешь жить какъ князекъ! Возлѣ твоего покоя комната отца Маттея.... а здѣсь моя. Этотъ корридоръ, присовокупила она, отворяя противоположныя двери, ведетъ въ притворъ. Но смотри, сынъ мой, старайся,

чтобъ никогда не погасали свѣчи, находящіяся на жертвенникѣ. Когда сгорятъ они, приди ко мнѣ, я тебѣ дамъ другія, теперь, кажется, я все тебѣ пересказала. Такимъ образомъ ты можешъ пойти со мною и если только тебѣ будетъ угодно, мы тамъ останемся вмѣстѣ до вечерень".

Перилла сохранила еще нѣсколько вкусу ко свѣту, хотя она оставила его тридцать лѣтъ тому назадъ, но Альфонсъ былъ самый худшій изъ свѣтскихъ,—онъ очень мало былъ способенъ удовлетворять любопытству ея. Считая, что молчаніе его есть дѣйствіе должнаго къ ней почтенія и скромности, Перилла сама подала примѣръ, разсказывая ему различные анекдоты о монахиняхъ. Наконецъ, прервавъ: — „Скорѣе, скорѣе!— часы приближаются, сказала она, ступай и благовѣсти! — постой, постой на одну минуту!—надѣнь стихарь свой! — Ахъ! онъ удавитъ тебя! — но мы сдѣлаемъ тебѣ поновѣе! пойдемъ!"

Альфонсъ послѣдовалъ за нею и прозвонилъ предписанное число ударовъ.—

„Теперь слѣдуй за мною, сказала Перилла. Альфонсъ повиновался, прошелъ поперегъ церкви. — „Этими дверями, говорила она, придутъ наши святыя матери, держи хорошенько этотъ сосудъ. — Они исчерпнутъ нѣсколько благословенной воды для ознаменованія креста Господня и для огражденія себя во время молитвъ отъ навожденія демонскаго. — Теперь я зажгу эти свѣчи, но въ другой разъ ты это самъ будешь дѣлать“.

Монахини входили одна за другой и какъ скоро прикасались къ освященной землѣ, скидали покрывала свои и погружали одинъ перстъ свой въ сосудъ, въ рукахъ Альфонса находящейся.

По приходѣ ихъ, привратница приказала Альфонсу слѣдовать за собою: они прошли позади жертвенника, гдѣ Перилла дала знакъ Альфонсу, чтобъ онъ вспомоществовалъ отцу Маттею облачаться въ ризы священнослужителя.

Наконецъ монахъ читалъ молитвы нѣкоторыя. Инокини присоединились къ нему и по пропѣтіи вечерняго гимна и получивъ

благословеніе его, онѣ возвратились въ кельи свои.

Согласно съ наставленіемъ Периллы, Альфонсъ погасилъ всѣ свѣчи, исключая тѣхъ, которыя должны горѣть безпрерывно на жертвенникѣ и заперъ двери притвора. Онъ послѣдовалъ за привратницей въ комнату ея, гдѣ они и ужинали. — „Теперь, поди съ Богомъ! сказала Перилла, поужинавъ, отецъ Маттей уже почиваетъ. Надобно и намъ отдохнуть немного. — Спокойной ночи! — не позабудь же встать прежде полуночи!“

Альфонсъ не спалъ боясь проспать назначенное время, а тѣмъ самымъ подать худое мнѣніе о своей рачительности. Шумное храпѣніе Периллы увѣрило его, что она не столь безпокойна въ разсужденіи этого пункта; не смотря на то, однако жъ, за нѣсколько минутъ предъ полуночью она пробудилась, пришла къ дверямъ комнаты его и объявила, что уже время благовѣстить.

Обряды были одни и тѣ же; по окончаніи которыхъ Альфонсъ ободрившись

нѣсколько, бросился въ свою постелю; новость и особенность его положенія не позволяли, ему однако жъ, заснуть хорошенько. При первомъ шумѣ въ горницѣ Периллы, онъ проснулся, всталъ и нашелъ ее уже у дверей комнаты своей.

Здѣсь Альфонсъ почиталъ себя счастливымъ, столько счастливымъ, сколько безпокойства и движенія духа его ему то позволяли. Здѣсь находилъ онъ себѣ такое убѣжище, гдѣ онъ не опасался уже нескромныхъ взоровъ безжалостнаго человѣчества. Привыкая постепенно къ времени своего должнаго пробужденія, онъ вскорѣ не имѣлъ уже нужды совѣтоваться съ песочными часами, данными ему Периллою. Игуменья была весьма довольна поведеніемъ его; отецъ Маттей любилъ, и почиталъ его.

Сей монахъ видя, что разумъ и познанія Альфонса превосходили то состояніе, въ которомъ онъ нашелъ его, открылся ему въ подозрѣніяхъ своихъ. Признавшись въ истинѣ его заключеній, графъ объявилъ ему твердое свое намѣреніе—хра-

нить тайну свою. Не зная несчастій его, Маттей оплакивалъ ихъ, сожалѣлъ о немъ, снабжалъ его книгами, могущими усладить время его отдохновенія и проводилъ съ нимъ въ разговорахъ все то время, которое ему оставалось свободно отъ должности.

Въ монастырѣ Сенъ-Елены находилось тридцать шесть монахинь и десять бѣлицъ; между сими послѣдними Лауретта, дѣвица съ милою физіономіею привлекла все вниманіе Альфонса, каждый разъ, какъ касалась она воды освященной. Если бы ему извѣстны были чувства любви, то онъ увидалъ бы, что Лауретта вдохнула въ него страсть жесточайшую; поелико сердце его билось отъ радости въ ея присутствіи, обмирало по уходѣ ея и одушевлялось по ея возвращеніи.

Уже протекло шесть мѣсяцевъ, какъ Альфонсъ вступилъ въ должность сакристена монастырскаго. Въ одинъ день, разговаривая по-дружески съ отцемъ Маттеемъ, онъ осмѣлился спросить его, кто такая была сія молодая бѣлица, которой

красота сдѣлала весьма великое впечатлѣніе на него. „Несчастная, отвѣчалъ Матей. Игуменья и я—мы только одни знаемъ тайну ея рожденія; но я думаю, что послѣ благоразумныхъ твоихъ въ сей обители поступковъмогу, не нарушая скромности, и тебѣ объ ней разсказать.—Слушай.

Тому уже 17 лѣтъ, какъ въ одинъ вечеръ, въ концѣ декабря, въ ужасную бурю слабый стукъ, повторяемый до трехъ разъ, вызвалъ привратницу къ наружнымъ монастырскимъ воротамъ. Пріятный голосъ просилъ убѣжища отъ страшной непогоды и просилъ сего на имя игуменьи, которую онъ назвалъ по имени. Привратница отперла ворота. Молодой человѣкъ, (по крайней мѣрѣ она такъ думала), въ пилигримскомъ платьѣ, опираясь на палку, взошелъ въ монастырь сей. Привратница заперла ворота и проводила мнимаго молодого человѣка къ игуменьѣ.

Иностранка не успѣвъ сказать: „Будьте ангеломъ, покровителемъ несчастной женщины!“ упала къ ногамъ ея. Изнуривши отъ трудовъ, окостенѣвши отъ

холоду, незнакомка долгое время была въ безпамятствѣ. Крѣпительныя средства возбудили жизненность ея, она открыла глаза и—игуменья увѣрила ее, что въ сей обители она можетъ найти себѣ убѣжище. Слезы радости потекли по щекамъ ея; принявъ нѣсколько пищи и не находя въ себѣ еще столько силъ, чтобъ развязать таинство прихода ся, она испросила позволенія успокоиться.

На другой день ей было гораздо легче; она заклинала игуменью не выдавать ее тѣмъ, которые можетъ быть придутъ и станутъ просить ее. Игуменья увѣрила всѣмъ покровительствомъ церкви и видя, что она весьма слаба и печальна, удержалась отъ вопросовъ своихъ.

По истеченіи нѣкоторыхъ дней она оправилась совершенно, но черная меланхолія, сопровождаемая даже иногда сумасшествіемъ, помрачила разумъ ея. Не смотря на это, однако жъ, она сама открыла игуменьѣ и мнѣ причины своихъ го-

рестей. А въ послѣдствіи времени, занимаясь безпрестанно своею горестію, написала исторію свою и вручила мнѣ оную. Я полагаюсь на твою скромность, помни, что эта тайна никогда не должна выходить изъ монастыря сего. Вотъ манускриптъ этотъ, прочти его между тѣмъ, какъ я пойду къ сестрѣ Велинѣ, опасно болящей.

Альфонсъ обѣщалъ хранить тайну эту и получивъ манускриптъ оный, возвратился въ свою комнату.

Приключенія Лауретты.

Я называюсь Лауретта, единственная дочь графа Аріено, благороднаго венеціанина. Мать моя умерла при моемъ рожденіи. Счастіе мое было одинаково съ моимъ рожденіемъ. Вступивъ въ совершенныя лѣта, я окружена была толпами поклонниковъ, если не моихъ собственно, то моего счастія. По случаю я увидѣла графа Фридерика Когенбургъ, дво-

рянина саксонскаго. Если бъ я стала здѣсь описывать его, то бъ вы ни мало не повѣрили мнѣ, чтобъ когда-нибудь существовалъ человѣкъ столь совершенной, довольно сказать вамъ, что я его таковымъ находила.

Сначала я думала, что вниманіе мое всегда на него упадающее, есть ничто иное какъ жертва, должная его блестящимъ достоинствамъ. Мнѣ казалось, что и всѣ женщины, съ которыми я тогда въ связи находилась, имѣли къ нему одинаковое со мною чувство, но ахъ! я скоро узнала, что я обожала того, кому другія только удивлялись.

Какъ прелестна, какъ мила любовь при своемъ зачатіи! Какъ можно было предвидѣть въ сихъ сладкихъ минутахъ —въ сей очаровательности жестокія горести намъ любовью пріуготовляемыя?— Роковое очарованіе! ты — ты причина всѣхъ моихъ горестей!

Взаимная любовь возродилась въ серд-

цахъ нашихъ. Я внимала любовнику своему съ изступленіемъ. Ничто сравниться не можетъ съ восхищеніями его при увѣреніи моемъ въ вѣчной къ нему вѣрности и постоянствѣ.

Но препятствія, о которыхъ совершенно забываютъ любовники, заграждали мнѣ путь, ведущій меня, какъ я думала на самую высочайшую степень счастія человѣческаго.

Что суть богатства для сердецъ страстно любящихся? — Милый Фридерикъ обожалъ меня. — Онъ въ глазахъ моихъ былъ самый наибогатѣйшій изъ смертныхъ; но отецъ мой вѣся достоинства золотомъ назначилъ меня въ супружество графу Бирофъ, богатѣйшему венеціанину, невозвратившемуся еще изъ своихъ путешествій. Онъ приказалъ мнѣ оставить ту страсть, которая составляла бытіе мое; но я хотѣла лучше умереть тысячу разъ, нежели отказаться отъ любви Фридерику. Любовникъ мой принужденъ былъ оставить свои посѣщенія; потому что отецъ

мой стращалъ меня заключить въ монастырь если онъ увидитъ меня съ нимъ когда-нибудь. Ахъ! жестоки горести разлуки!..... Но отдаленная надежда быть когда-либо за Фридерикомъ поддерживала силы мои.

Наконецъ я изыскала случай видѣться съ нимъ въ саду тетки моей. Удовольствіе при видѣ его заставило меня забыть всѣ мои горести. Я клялась снова въ вѣчной вѣрности и предавала себя мщенію небесъ, если я когда-либо нарушу клятву свою—быть его на всю жизнь свою.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего свиданія, въ одинъ день, какъ уединившись въ своей комнатѣ, размышляя о несчастной своей участи, окропляла слезами письмо графа Фридерика, тайно мною полученное, отецъ мой взошелъ ко мнѣ и объявилъ мнѣ пріѣздъ графа Бирофъ. — Здѣсь я оставляю чувствительнымъ сердцамъ вообразить ту горесть, какою наполнилась душа моя при семъ страшномъ извѣстіи.

Я не употребляла уже безполезныхъ отговорокъ, Я знала, что положеніе было непоколебимо и безвозвратно.

„Подъ вечеръ того же самаго дня назначенный мнѣ супругъ пріѣхалъ къ отцу моему.—Меня позвали въ залу.—Графъ Бирофъ встрѣтилъ меня, взялъ руку мою, но я не поднимала и глазъ своихъ, я не могла взирать на такого человѣка, котораго я почитала за разрушителя счастія жизни моей. Но, впрочемъ, я должна отдать ему справедливость; я не знала ни одного, выключая Фридерика, такого человѣка, которой бы болѣе могъ осчастливить собою женщину. Если бы онъ былъ братъ мой, я бы любила его съ нѣжностью — даже и тогда, когда онъ мнѣ представленъ былъ подъ видомъ ненавистнѣйшимъ, я не могла принудить себя, чтобъ не почитать его; но это чувствованіе весьма было далеко отъ того чувствованія, какое онъ хотѣлъ вдохнуть въ меня. Съ тихостію, съ нѣжностію онъ жаловался на холодность мою и столь великое умѣлъ мнѣ дать понятіе о его

великодушіи, что я много разъ вознамѣревалась открыть ему роковое таинство, отягощающее сердце мое и испросить его сожалѣнія. Ахъ! сколько бы несчастій отвратило это признаніе! — Ужасное предпріятіе не было совершено еще!

Наконецъ день столь отвратительный назначенъ—наканунѣ меня увѣдомили, что завтра графъ Бирофъ у жертвенника получитъ руку мою.

Я бросилась къ ногамъ отца моего, обнимала колѣна его, умаливала его сожеланіе, принудила себя употребить всѣ способы, могущіе по моему мнѣнію, побѣдить несправедливость и жестокость его, заклинала его не закрывать сердца своего отъ моленій единственной его дочери — осмѣливалась предсказывать ему о угрызеніяхъ совѣсти его. Все было тщетно, онъ былъ глухъ ко всякому гласу, выключая гласа выгодъ своихъ. Онъ оттолкнулъ меня.—„Повинуйся, вскричалъ онъ, повинуйся или не будь моей дочерью“.

Бросивъ на меня ужасный взоръ, онъ вышелъ изъ комнаты. Оправившись нѣсколько, поддерживаема будучи горничною своею, я пошла къ теткѣ своей— туда, гдѣ уже нѣсколько разъ я видѣла Фридерика. Эта чувствительная женщина ни мало не походила на отца моего.— Я все—все разсказала ей. — Она была тронута моимъ несчастіемъ, но завися совершенно отъ отца моего, она ничего не могла сдѣлать въ пользу мою. Она только согласилась на прошеніе мое сыскать Фридерика. Два часа, цѣлые два часа я провела въ смертельномъ безпокойствіи. Наконецъ посланный прибылъ и принесъ извѣстіе, что Фридерика нѣтъ въ Венеціи, что нѣкоторое важное дѣло принудило его оставить городъ сей, но что съ часу на часъ ожидаютъ его прибытія.

Тетка моя обѣщалась на завтра провѣдать о пріѣздѣ его и въ ту же минуту меня увѣдомить.

Простившись съ нею, я пошла обратно въ домъ отца моего какъ преступникъ,

который зная, что казнь его неизбѣжна влачится безъ прекословія.

Здѣсь, бросившись въ постель свою, я дала полную власть—течь слезамъ моимъ, полную власть—своей горести;—я плакала,—горничная также плакала, видя слезы мои.—Эта чувствительная женщина была вѣрная подруга моя по смерти моей родительницы. По чрезмѣрной ко мнѣ своей привязанности она всѣми мѣрами старалась утѣшить меня—осушить слезы мои. Безполезныя старанія!—Она мнѣ только выказала невозможность сопротивленія, совѣтовала надѣяться на помощь провидѣнія, которая должна мнѣ быть ниспослана.

Сдѣлавшись спокойнѣе, я начала предъизбирать то, на что должно мнѣ рѣшиться въ такомъ случаѣ.—„Надлежало ли мнѣ уйти изъ сего ненавистнаго дома, говорила я, идти ли мнѣ—бросаться въ объятія дражайшаго моего Фридерика?.... Такъ! такъ!... Онъ приметъ меня съ радостію, приметъ съ изступленіемъ.—Но

если.... если правда то, что мужчины лживы, непостоянны, жестокосерды, что они презираютъ въ несчастіи тѣхъ, коихъ обожали въ счастіи?... Ахъ!... Но нѣтъ! нѣтъ, Фридерикъ совсѣмъ не таковъ! Охъ! нѣтъ! —сколь велики обѣщанія его! Сколько разъ клялся мнѣ онъ въ вѣчной вѣрности! Такъ я пойду, брошусь въ объятія его, къ груди его, буду читать въ глазахъ нѣмое восхищеніе его. Но.... если онъ будетъ не вѣренъ? Если презритъ Лауретту?.... Что его принудило удалиться отселѣ въ это время?.... Онъ позабылъ меня“!...

Въ сумасшествіи моемъ я обременяла любовника моего упреками, такъ какъ бы онъ стоялъ возлѣ меня и заслужилъ оныя. Мысль о вѣрности Фридериковой занявши разсудокъ мой сдѣлала меня спокойнѣе, я съ меньшимъ уже ужасомъ помышляла о приближающемся бракѣ моемъ. Конечно, вы не можете понять столь скорой перемѣны мыслей моихъ; но взойдите въ жестокое положеніе мое, я вообража-

ла себя оставленною, проклятою моимъ родителемъ и можетъ быть презрѣнною тѣмъ, для котораго я всѣмъ въ свѣтѣ охотно пожертвовала бы, то вы будете менѣе удивляться, увидя, что я столь скоро примирилась съ мыслію — соединить судьбу свою съ судьбою человѣка мною почитаемаго.

На другой день тетка прислала мнѣ сказать, что Фридерикъ еще не возвратился. — „Я вижу ясно, вскричала я, вижу ясно, что я забыта! Жестокій Фридерикъ! гдѣ клятвы твои? Гдѣ обѣщанія твои?“

Въ эту минуту взошелъ отецъ мой и приказалъ мнѣ идти съ графомъ Бирофъ передъ жертвенникъ. Забывъ всю свою рѣшительность, я упала бы безъ сомнѣнія къ ногамъ моего родителя, еслибъ голосъ графа Бирофъ не вывелъ меня изъ горестнаго забытія. Онъ взялъ трепещущую руку мою и считая упорность мою дѣвическою робостью, старался ободрить меня нѣжнѣйшими увѣреніями своей предан-

ности и любви своей. Мы взошли въ церковь, и я стала его супругою.

Судьба моя рѣшилась, сердце мое уже болѣе не ощущало жестокихъ мученій неизвѣстности. Я охотно рѣшилась покориться несчастной и не возвратной судьбѣ моей.

День прошелъ въ увеселеніи—я всѣми силами старалась сдѣлаться веселою и если страхъ не оскорбить отца своего принуждалъ къ улыбкѣ уста мои, то любовь къ Фридерику изгоняла глубокія вздохи изъ груди моей.

Въ этотъ день я получила множество подарковъ отъ родственниковъ моихъ—отъ мужа своего. Щедрая рука отца моего также разверзлась, онъ подарилъ меня жемчужнымъ ожерельемъ, которымъ я и теперь еще обладаю. Не смотря на несправедливость и жестокость его, этотъ подарокъ для меня всегда будетъ драгоцѣненъ. — Я его храню въ память подарившаго мнѣ.

Никакая женщина не препровождала первый день брака своего съ такою горестію, съ какою я проводила его. Ночь прекратила эти шумныя увеселенія, позволила мнѣ предаться на свободѣ размышленіямъ своимъ и я почувствовала, что любовь моя къ Фридерику болѣе прежняго укоренилась въ сердцѣ моемъ. Но онъ все еще не возвращался.

Не взирая на всѣ мои усилія казаться веселою, безпокойства мои, мои горести были начертаны на лицѣ моемъ. Тщетно графъ Бирофъ изыскивалъ различные способы, могущіе по его мнѣнію развеселить меня. Отецъ мой, зная истинную причину моей меланхоліи, не упустилъ перваго случая обременить меня всѣмъ гнѣвомъ своимъ, онъ стращалъ проклять меня, если только я буду питать въ сердцѣ своемъ страсть столь порочную.

По прошествіи мѣсяца брака моего, тетка моя увѣдомила меня, что Фридерикъ возвратившись и услышавъ о роковомъ извѣстіи дошелъ до неистовства. Къ сча-

стію, отца не было дома. Я побѣжала къ теткѣ своей, туда, гдѣ почувствовала сію единственную страсть свою. и—ахъ! никогда два вѣрныя любовника, прощаясь на вѣки, шедши погребстись въ стѣнахъ монастырскихъ, не проливали столько слезъ, сколько мы тогда пролили. Я заклинала милаго Фридерика своего простить мнѣ то дѣйствіе, къ которому угрозы жестокаго отца моего меня принудили, заклинала его сжалиться надо мною и любить меня до гроба.

Такъ! предъ цѣлымъ свѣтомъ скажу я, я всегда любила его и желала сама также быть любимою. Не подозрѣвайте словъ моихъ, ни думайте, чтобъ я теперь оплакивала свое преступленіе. Нѣтъ, Богомъ свидѣтельствуюсь, что среди всѣхъ горестей бѣдственной жизни моей, въ сердцѣ оставалось пріятное утѣшеніе, ниспосылаемое мнѣ чистою совѣстію.

„Ахъ! Фридерикъ, если съ небесныхъ круговъ, тобой теперь обитаемыхъ, ты удостоишь низвести взоръ свой на вѣрную

тебѣ Лауретту, вѣрную въ объятіяхъ даже самой смерти, оправдай, покажи невинность мою. Тебѣ извѣстно сердце мое, ты знаешь его, знаешь сердце, въ которомъ пламенѣетъ чистѣйшій огонь любви моей, ты знаешь, что оно пребывало столь же вѣрнымъ къ добродѣтели, сколько и къ тебѣ самому.

Въ продолженіи нѣкотораго времени я почти каждый день видѣлась съ Фридерикомъ у тетки своей. Одно обстоятельство, само по себѣ малозначущее, удостовѣрило меня, что свиданія наши открыты, почему не могши болѣе продолжать свиданія свои, я писала къ нему о причинахъ моего отсутствія. Мы завели каждодневную переписку, которая облегчала нѣсколько горесть — быть въ разлукѣ. Вѣрный служитель тетки моей относилъ письма мои и доставлялъ мнѣ ихъ отъ любезнаго моего Фридерика.

Спустя двѣ недѣли переписки нашей, я узнала, что отецъ и мужъ мой собираются куда-то ѣхать дня на два. По утру

въ тотъ самый день, въ который графъ Бирофъ сказалъ мнѣ о своемъ отъѣздѣ, я послала съ вѣрнымъ нашимъ Меркуріемъ письмо къ Фридерику, увѣдомляя его, что отсутствіе отца и мужа моего позволяетъ мнѣ видѣть его къ вечеру того дня у тетки моей.

Послѣ обѣда отецъ и мужъ мой простились со мною и уѣхали.—Спустя часа два по ихъ отъѣздѣ, я полетѣла къ теткѣ своей, которая очень удивилась, у себя меня увидя. Я изъяснилась, и она поздравляла меня съ предбудущимъ удовольствіемъ—съ удовольствіемъ увидѣть своего любовника.—Приказала въ ту же минуту позвать своего служителя, желая узнать у себя ли Фридерикъ; но посланникъ еще не возвращался. Протекло три часа ожиданія въ жесточайшихъ безпокойствахъ, ни Фридерикъ ни служитель не показывались. Все, что только я могла придумать, я останавливалась всегда на томъ, что Фридерика нѣтъ дома и посланный ищетъ его. Но я скоро вы-

ведена была изъ неизвѣстности. Вообразите удивленіе мое—весь ужасъ мой!... Услышавъ стукъ на лѣстницѣ, тетка моя побѣжала отворить двери и—Боже мой!—я увидѣла отца моего. Испустивъ ужасный крикъ, я упала къ ногамъ тетки моей. Не знаю, что происходило со мною. Пришедъ въ себя, нашла уже себя на постелѣ въ своей комнатѣ.—„Неужели я на-вѣки лишилась тебя дражайшій Фридерикъ?“—вскричала я; поелику первая мысль, взошедшая мнѣ въ голову была—пронзенное сердце несчастнаго моего любовника рукою графа Бирофъ.—Да сіе было и неложно.—Мужъ мой сидѣлъ близъ кровати моей. Въ жесточайшихъ выраженіяхъ, какія только могла выдумать горесть моя, обременивъ упреками жестокость его, разсказала ему всю исторію несчастной любви моей и обливаясь слезами, я еще болѣе обременяла его упреками.—„Вашъ батюшка, говорилъ онъ, увѣрилъ меня, что вы находитесь въ связи съ однимъ иностранцемъ. Сначала я не вѣрилъ ему. Но, по совѣту

отца вашего, я согласился изыскать средство открыть истину. Мы выдумали поѣздку, вѣря безсомнѣнно, что въ продолженіи сего времени вы призовете графа Фридерика въ домъ отца своего. По утру, въ день мнимаго отъѣзда нашего, отецъ вашъ перехватилъ посланнаго, взялъ отъ него письмо ваше къ графу, которымъ вы просили его придти подъ вечеръ къ теткѣ вашей; задержавъ служителя, мы послали письмо по адресу, а потомъ дожидались Фридерика въ маленькой, темной улицѣ, чрезъ которую проходить ему надлежало, увидѣли его и—я закололъ его"...

Одинъ Богъ знаетъ, что я перенесла въ продолженіи сего повѣствованія и благодарю небо за то, что оно отняло еще въ сію минуту у меня употребленіе языка моего, безъ того, въ бѣшенствѣ моемъ, я можетъ быть, прокляла бы своего родителя.

Графъ Бирофъ заклиналъ меня успокоиться. Онъ представлялъ мнѣ безпо-

лезность моей горести; потому что роковой ударъ, въ которомъ онъ самъ раскаивается, свершился уже; напоминалъ мнѣ повиновеніе, какимъ я обязана отцу своему, представлялъ глазамъ моимъ тотъ стыдъ, которымъ покроетъ меня неведеніе мое, если оно только будетъ извѣстно; но я ничего не слушала, ничего, что говорилъ онъ; каждое слово убійцы моего Фридерика наполняло меня ужасомъ. Въ сію ужасную минуту я бы не внимала и словамъ самихъ ангеловъ, если бы они не имѣли власти возвратить жизнь моему любовнику.

Я не принимала никакой пищи и графъ Бирофъ начиналъ уже страшиться о моей жизни. Онъ меня снова заклиналъ повиноваться судьбѣ своей, которую ничто перемѣнить не можетъ, клялся въ любви своей, просилъ меня простить его и объявить ему то, что можетъ облегчить скорбь сердца моего.

Я молчала и графъ Бирофъ вышелъ изъ комнаты. По уходѣ его, я приказала

вѣрной своей горничной итти и сказать отцу и мужу моему, что я уснула и чтобъ никто не входилъ въ мою спальню и не возмущалъ моего спокойствія, въ которомъ я имѣла нужду. По возвращеніи своемъ, она нашла меня въ простомъ платьѣ, съ длинымъ и толстымъ на лицѣ покрываломъ. Ей одной открыла я секретъ свой, и ни кѣмъ не будучи примѣчена, вышла изъ дому. — Было уже около девяти часовъ вечера. — Я пробралась въ предмѣстье Венеціи, недалеко отъ дому отца моего находящееся, надѣясь найти тамъ какого-нибудь ветошника. Взошла въ узкую улицу, пробѣжала ее и, наконецъ, увидала то, чего искала. Въ лавочкѣ никого не было, выключая престарѣлой женщины. Худымъ и испорченнымъ языкомъ, смѣшаннымъ съ французскимъ я сказала ей, что иду въ Лорету и спрашивала у ней пилигримскаго платья. Изъ многихъ ею мнѣ показанныхъ, я купила у ней одну палку и тыквенную бутылку. Съ хорошо завязанною малою своею ношею, я оставила лавку, радуясь внутренно, что ста-

руха, занявшись похвалой товаровъ своихъ, не обращала на меня никакого вниманія. Въ нѣсколько минутъ я была уже за городомъ и на большой дорогѣ.

Къ счастію моему свѣтъ луны освѣщалъ путь мой; ставъ за полмилю отъ города и не видя никого на дорогѣ, я осмѣлилась переодѣться, скинула платье свое, надѣла пилигримское, бросила въ одну яму прежнее одѣяніе свое и направила путь свой къ монастырю сему, о которомъ я часто слышала отъ тетки своей. Здѣсь я рѣшилась, если только не откажутъ мнѣ, окончить дни свои. — „Благодаря моему одѣянію я путешествовала безъ всякой невыгоды, выключая усталости. Но ваши благодѣтельныя старанія вскорѣ привели меня въ то счастливое состояніе, въ которомъ нахожусь я. Да наградитъ васъ Богъ за человѣколюбіе и благодѣтельность, мнѣ оказанную!“

Сія исторія изъяснила Альфонсу часть мистическихъ поступковъ дяди его. Графъ Фридерикъ былъ любовникъ любимой пле-

мянницы дорогого и почтеннаго друга его Аріено. Лауретта почитала Фридерика умершимъ. Въ сей обители она была мертва для человѣчества, для свѣта, и жила только для оплакиванія потери его. —„Несчастная женщина! сказалъ онъ, ангелъ-хранитель твой долженъ бы былъ открыть тебѣ истину. Потеря сей милой женщины была причиною мрачной меланхоліи дяди моего. Но сіе однакожъ не изъясняетъ еще ужасной тайны, которая меня удаляетъ отъ замка моего родителя“.

Нѣсколько времени оставался онъ погруженнымъ въ размышленіе. Послѣ чего вскорѣ возвратился онъ въ келью отца Маттея.—„Ты тронутъ, сказалъ ему сей отецъ, чувствительное сердце твое раздѣляетъ несчастіе Лауретты“. — Вы угадали, батюшка; но Фридерикъ ея живъ еще“.—„Боже великій!.. А что такое вы знаете о графѣ Фридерикѣ? Изъяснитесь, прошу васъ...“ — „Я не могу теперь... придетъ время можетъ быть...“ Онъ остановился.

Маттей нѣсколько смутился; но въ ту же минуту опять пришедъ въ прежнее свое положеніе. — „Она умерла, сказалъ онъ, такъ какъ и жила оплакивая потерю любимой ею особы“. — „А сколь давно смерть пресѣкла ея горести?“ — „Скорби изъ нея сдѣлали совершенной остовъ. Теперь уже семь лѣтъ, какъ умерла она“. — „Неужель никакихъ въ разсужденіи ея не было поисковъ?“ — „Никакихъ“. — „Но она ничего не говоритъ здѣсь о своей дочери, да и вы мнѣ объ ней не говорили“. — „Когда она намъ передала сію рукопись, которую вы читали; то она и не знала еще, что была матерью. Вскорѣ послѣ того, обливаясь слезами, она объявила положеніе свое нашей игуменьѣ, призывая небо въ свидѣтели, что дитя графа Бирофъ. Горесть ея тронула игуменью, она обѣщала покровительствовать дитяти ея и Лауретта родила дочь, которая получила имя своей матери“. — „И неужели молодая Лауретта опредѣлена проводить жизнь свою въ монастырѣ семъ?“ — „Мать ея на смертномъ одрѣ приказала

что если кто-нибудь изъ ея фамиліи, узнавъ, что она имѣла дитя, потребуетъ его отъ насъ, отдать ему; въ противномъ же случаѣ она должна постричься въ 18 лѣтъ". —„А сколько лѣтъ теперь Лауретѣ?" — „17 лѣтъ и 4 мѣсяца. Я думаю что отецъ ея и графъ Аріено совершенно не знаютъ о существованіи сего ангела. Мать ея предъ своею смертію сама пересказала ей всѣ обстоятельства жизни своей и краски, какими ближніе ея родственники были изображены ей, не столь великое возбуждаютъ въ ней желаніе вступить въ свѣтъ ей неизвѣстный, въ сей свѣтъ, о которомъ она сколько разъ слышала мало выгодныхъ описаній. Она здѣсь почитала себя счастливою и вознамѣрилась постричься!"

Альфонсъ вздохнулъ, взоры его упали на песочные часы, показывающіе ему время благовѣстить въ вечерній колоколъ.

ГЛАВА V.

Альфонсъ безпрестанно занимался Лауреттою, со дня на день онъ къ ней привязывался болѣе и болѣе, онъ началъ уже подозрѣвать причину своихъ чувствованій и горѣлъ желаніемъ извлечь ее изъ мрачнаго себѣ убѣжища, желалъ ей высказать ту любовь, которую она вдохнула въ сердце его; но всякое сообщеніе съ монахинями и съ бѣлицами, выключая игумены и старой Периллы, ему было запрещено; какимъ же образомъ онъ дастъ ей уразумѣть свои чувствованія? или какъ увѣрится, что и Лауретта раздѣляетъ ихъ?

Онъ рѣшился не спускать съ нее глазъ

своихъ, искать взорами своими взоровъ ея, каждый разъ прихода ея въ церковь.

При первомъ опытѣ Лауретта не могла выдержать безъ краски проницательныхъ взоровъ черныхъ глазъ его. Съ милою стыдливостію она, потупивъ глаза свои, прошла прямо къ хору своему.

Альфонсу любовь была еще неизвѣстна; онъ не умѣлъ различать робости отъ неудовольствія. Часто повторялъ онъ опытъ свой и иногда производилъ въ ней первое дѣйствіе, а иногда взоры ея остановясь на краю священнаго сосуда вскорѣ опять ниспускались.—„Нѣтъ! сказалъ онъ, Лауретта не раздѣляетъ моихъ чувствованій. Вишь она не можетъ сомнѣваться въ любви моей, она видитъ это, но принимаетъ оную съ хладнокровіемъ. Несчастный Альфонсъ!“

Онъ рѣшился не смотрѣть на нее въ слѣдующій разъ прихода ея.—Лауретта подошла и глубокій вздохъ излетѣлъ изъ груди его. Лауреттинъ вздохъ соединился

со вздохомъ его. Альфонсъ услышалъ, и вздохъ сей отозвался въ сердцѣ его. Онъ осмѣлился еще бросить взоръ свой на Лауретту; милый цвѣтъ стыдливости украсилъ щеки ея, пріятная улыбка мелькнула въ чертахъ ея.—„Она понимаетъ меня, понимаетъ любовь мою, она къ ней не нечувствительна, о счастіе!...“ Въ одно мгновеніе любовь его перешла отъ страха къ надеждѣ ласкающей. Безъ робости уже онъ пожиралъ взорами своими Лауретту,—скучная робость и у ней также исчезла; она сама искала взоровъ Альфонсовыхъ.

Новый способъ изъясняться пришелъ на мысль ему. Онъ написалъ самое нѣжное письмо, какое только можетъ продиктовать любовь пылкая, и въ ту минуту, когда она погружала перстъ свой въ священную воду, онъ всунулъ въ руку ея записочку, такъ что никто того не примѣтилъ. Два дня, цѣлые два дни протекли въ мучительной неизвѣстности. На третій къ вечеру Лауретта положила въ руку его билетецъ слѣдующаго содержанія:

„Ахъ Альфонсъ! объявленіе любви твоей показало мнѣ истинное состояніе сердца моего.—Будь разуменъ и скроменъ.—Не пиши мнѣ болѣе.—Насъ примѣчаютъ“.

На первый разъ Альфонсъ почиталъ себя наверху счастія; но сіи минуты энтузіазма мгновенны. Время возродило размышленія. Онъ страшился разлуки съ Лауреттою.

Пять мѣсяцевъ спустя послѣ того, игуменья впала въ жестокую болѣзнь; отецъ Маттей, бывъ духовникомъ и врачемъ монастыря сего, не оставлялъ ни наминуту постели страждущей; но при всѣхъ его стараніяхъ, наконецъ умерла она и привела въ горесть все иночество; особливо Лауретта оплакивала сію женщину, которая ей была второю матерью. Тѣло ея было положено во гробъ и поставлено внизу ступеней жертвеника; въ продолженіи десятиденства безпрестанно отправлялось три службы за упокой души ея. Три монахини и одна бѣлица бдѣли неусыпно у гроба сего.

Альфонсъ видя благопріятный случай отдать и второе письмо Лауреттѣ написалъ и объявилъ ей, что онъ племянникъ графа Фридерика, столь нѣжно любимаго ея матерью, заклиналъ ее въ то же время убѣжать съ нимъ при первомъ удобномъ случаѣ изъ монастыря сего. Въ четвертый день смерти игуменьи, Лауреттѣ досталось быть при гробѣ ея. Входя въ притворъ, Альфонсъ встрѣтилъ въ коридорѣ Лауретту, идущую за монахинями, въ церковныя двери уже взошедшими. Осмотрясь во всѣ стороны и видя что никто не могъ примѣтить его, схватилъ руку ея, осыпалъ поцѣлуями и отдалъ ей письмо свое—все сіе сдѣлано было въ одну минуту.

Погребеніе игуменьи совершилось въ десятый день со всею помпою католическою. Отецъ Маттей, монахини и бѣлицы проводили въ храмѣ въ молитвахъ всю ночь до восхода солнца, принудившаго ихъ возвратиться въ кельи свои. Въ безмѣрной усталости инокини—какъ можно

скорѣе спѣшили въ комнаты свои. Лауретта старалась быть послѣднею и выходя выронила набольшой лоскутокъ бумаги. Съ восхищеніемъ, съ торопливостію Альфонсъ поднялъ его и читалъ слѣдующее.

„Скажите мнѣ, куда хотите вы бѣжать со мною?“

Поцѣловавъ этотъ билетикъ, онъ снова прочиталъ его, поцѣловалъ еще и изорвалъ.

Не зная нужно ль ему описать Лауреттѣ всѣ приключенія свои или, только умаливать ее о побѣгѣ, онъ рѣшился во всемъ открыться отцу Маттею.

Съ нетерпѣливостью и съ безпокойствіемъ онъ ожидалъ той минуты, въ которую надѣялся застать одного сего человѣка. Взошелъ въ комнату его и съ трепетомъ объявилъ ему, что онъ намѣренъ ввѣрить ему весьма важную тайну.

Добрый монахъ обѣщался ему быть скромнымъ въ разсужденіи тайны его и. Альфонсъ разсказалъ ему всѣ приключе-

нія жизни своей. — Теперь проникли ли вы въ сію ужасную тайну, отецъ мой?“ сказалъ онъ по окончаніи.

Маттей, казалось, былъ погруженъ въ глубокую задумчивость, въ размышленіе. Онъ молчалъ. — „Не дай Богъ, чтобъ я осуждалъ кого бы то ни было несправедливо, сказалъ онъ наконецъ, слова мои есть одно только заключеніе. Мать ваша предавшись всей своей горести, въ совершенномъ почти сумасшествіи приняла ужасное намѣреніе убить себя, а тѣмъ самымъ освободиться отъ мученій своихъ“.

Альфонсъ затрепеталъ отъ мысли сей. — „Но дымящаяся кровію рука отецъ мой?“ по нѣкоторомъ молчаніи сказалъ онъ.

Новое молчаніе, — „Въ изступленіи своемъ, она поранила руку свою тѣмъ орудіемъ, которымъ рѣшилась она окончить жизнь свою“. — „Но для чего жъ бы ей приказывать мнѣ бѣжать отъ себя, бѣжать изъ замка?“ — „Нѣтъ никакого со-

мнѣнія, что она чувствовала тогда всю великость того стыда, который покроетъ имя ея послѣ столь преступнаго дѣйствія.—Сего она не страшилась, а ужасалась только того, чтобъ стыдъ сей не упалъ на невинную главу сына ея". — „Неужели вы думаете также, что сумасшествіе принудило ее обвинять дядю моего, и въ то же самое время самой себѣ противорѣчить?" — „Я думаю". — „Но скажите ради Бога, для чего бы дядѣ моему оставить замокъ Когенбургскій? — „Воспоминаніе жившихъ въ немъ очернило въ глазахъ сего чувствительнаго человѣка жилище сіе, сдѣлало его ему несноснымъ. Онъ предпочелъ ему домъ свой." — „Но почему же онъ не дѣлалъ никакихъ обо мнѣ изысканій?". — „А вы почему знаете, что онъ никакихъ не дѣлалъ?" — „Заключенія ваши, батюшка справедливы. Вы взвѣшиваете всѣ обстоятельства. Вамъ извѣстно человѣчество. Можетъ быть, это и правда. Но сердце мое раздираемое неизвѣстностью, требовало и требуетъ настоящаго удостовѣренія". — „Но невозмож-

но, мой другъ, учинить этого". — „Въ сихъ стѣнахъ, я уступаю".—„Неужели вы хотите оставить ихъ?"

Молчаніе Альфонса служило подтвержденіемъ.— „Но мать ваша запретила вамъ видѣть дядю своего. Входъ въ Когенбургскій замокъ вамъ непозволенъ...."—„Но мнѣ кажется это еще не значитъ неповиноваться, когда я иду напротивъ такого приказанія, которое было учинено въ сумасшествіи". — Но вы не позабыли, я думаю, что развязка моя странныхъ проступковъ вашей матери, есть одна только догадка, одно заключеніе. Вы это сами мнѣ сказали и очень разумно".

Альфонсъ почувствовалъ всю правду сего замѣчанія. Слезы градомъ текли изъ глазъ его.— „Отецъ мой, отецъ мой! вскричалъ онъ, эта только развязка, это только открытіе можетъ возвратить спокойствіе душѣ моей. Я не достоинъ тѣхъ святыхъ должностей, которыя на меня возложены. Духъ мой безпрестанно переносится за

стѣны монастыря сего“.—„Но вы не можете нигдѣ, исключая замка, получить изъясненія и можетъ быть въ семъ случаѣ всѣ старанія ваши будутъ безполезны.—„Намѣреніе мое не состоитъ въ томъ, чтобъ возвратиться въ замокъ; я желаю возвратиться только въ общество. Возможность открыть то, чего я столько нетерпѣливо желаю, будетъ поддерживать надежды мои. А здѣсь они погребены—совершенно. Здѣсь ни одна утѣшительная, спасительная мысль не укрѣпляетъ сердца моего.—„Куда жъ вы пойдете?—„Я рѣшился сдѣлаться рыболовомъ на берегахъ Инна“. — „Совершенное уединеніе, жестокость трудовъ заставятъ васъ когда-нибудь раскаяваться о потери сего счастливаго состоянія, которое вы оставляете“.—„Но я чувствую, что я рожденъ для общества; рожденъ не для того единственно, чтобъ жить между человѣчествомъ; но... чтобъ наслаждаться всѣми тѣми радостями, которыя могутъ намъ доставить одни только существа различнаго съ нами пола“.—„Выбрали ли же вы подругу се-

бѣ?“—„Я желалъ бы чтобъ вы одобрили выборъ мой“.—„Но какъ мнѣ можно?... Разлучившись со свѣтомъ, какъ могу я это?....“—„Вы совершенно знаете ту, которую я обожаю“. — „Боже мой, какъ? Неужели вы питая страсть эту въ обители сей, способны къ нарушенію законовъ?..“—„Но Лауретта Бирофъ еще не связана сими законами?“—„Говорили ли вы съ ней когда-нибудь?“—„Никогда“.—„Почему же вы знаете, что она раздѣляетъ ваши чувствованія?“—Я васъ увѣряю. Она раздѣляетъ ихъ“.—„Но я обѣщался умирающей матери отдать ее только ближайшему ея какому-нибудь сроднику“.—„И такъ вы не можете мнѣ вручить ее?“ „Вы не соединены съ ней узами крови“. — „Но въ вашей же власти состоитъ соединить меня съ нею узами самыми ближайшими, крѣпчайшими“.—„Я васъ не понимаю. Изъяснитесь“. — „Учините меня супругомъ ея. Вы исполните свое обѣщаніе, а меня осчастливите болѣе всѣхъ на свѣтѣ“.

Маттей хранилъ молчаніе. — „Но что скажутъ, если узнаютъ когда-либо, что двѣ отрасли, столь благородныхъ фамилій живутъ въ такомъ низкомъ состояніи, о которомъ вы мнѣ говорили?“ — „Ахъ! отецъ мой! что нужды тѣмъ до мнѣнія людей, которыхъ гонятъ эти люди? — Я весьма увѣренъ, что счастіе рѣдко бываетъ удѣломъ богатства“. — „Это правда. Любовь въ хижинѣ гораздо счастливѣе, чѣмъ въ раззолоченныхъ покояхъ“.

Отецъ Маттей опять остановился. — „Но увѣдомляли ли вы Лауретту? Знаетъ ли она, кто вы такой?...“ „Нѣтъ“. — „Ну такъ скажите ей“. — „Но какъ возможно?.... Сыщите мнѣ средство къ сему“. — „Въ эту ночь я провожу ее въ вашу комнату, и если она согласится раздѣлить судьбу вашу, (дай Богъ, чтобъ она выбрала счастливѣйшее состояніе!) Если, говорю, она согласится раздѣлить жребій вашъ; то я не буду разлучать тѣхъ, которыхъ само небо соединило. Но если она не захочетъ послѣдовать вамъ; то я немедленно постригу ее. Я великое

беру участіе какъ въ вашей, такъ и въ ея судьбѣ и хочу кончить это дѣло, какъ можно скорѣе. Необходимо надобно, чтобъ она рѣшилась или на то или на другое прежде выбора нашей новой игуменьи".

Альфонсъ поцѣловалъ руку его и по поданному знаку онъ оставилъ его.

Когда же вечернія молитвы кончились и Перилла уже легла спать, то Маттей взошелъ въ Лауреттину комнату. Лауретта читала, Маттей приказалъ ей итти за собою. Положивши свою книгу, взявши свѣчу и опустивши покрывало она послѣдовала за нимъ въ молчаніи. При дверяхъ комнаты Альфонсовой Маттей остановился и далъ знакъ Лауреттѣ взойти туда. Она повиновалась, взошла и Альфонсъ былъ у ногъ ея.

Удивленіе и радость Лауретты столь была велика, что она почла это за сновидѣніе.

Альфонсъ же съ своей стороны наслаждался въ почтительномъ молчаніи восхи-

щеніемъ предмета имъ любимаго, но вспомнивъ, что онъ долженъ дорожить сими краткими минуту для сообщенія Лауреттѣ всего того что нужно было знать ей, онъ объявилъ ей о благорасположеніи отца Маттея, разсказалъ ей тѣ страшныя обстоятельства, которыя принудили его искать себѣ убѣжища въ монастырѣ Сенъ-Елены и показалъ ей планъ, начертанный имъ для взаимнаго ихъ счастія, если только пожелаетъ она раздѣлить жребій его.

Лауретта краснѣла, она не могла произнести ни одного слова. Альфонсъ настоялъ, время было дорого. Наконецъ уста ея произнесли то согласіе, которое взоры ея давно уже подтверждали и счастливый Альфонсъ запѣчатлѣлъ священное это согласіе пламеннымъ поцѣлуемъ своимъ.

Приближалась полночь, Маттей пришелъ ихъ о томъ увѣдомить и прочиталъ въ глазахъ Альфонса послѣдствіе разговора ихъ.

Лауретта возвратилась въ келью свою, обѣщаясь прійти къ отцу Маттею на другой день поутру; а Альфонсъ пошелъ пріуготовлять притворъ къ священнодѣйствію.

Мысль о счастіи, ихъ ожидающемъ, занимала всю ночь Лауретту и Альфонса.

Въ назначенный часъ Лауретта пришла къ отцу Маттею; онъ выслушалъ ея признаніе; душа ея была чиста. Ея непорочная любовь къ Альфонсу, крывшаяся долгое время подъ грудью ея, не могла быть преступленіемъ предъ отцемъ милосердія. — Тогда посредникъ Божій представилъ глазамъ ея всѣ обороты счастія, участь добрыхъ и злыхъ, міръ сей наполняющихъ, тотъ міръ, въ который она вступить намѣревалась, научалъ ее переносить съ терпѣніемъ несчастія, людей болѣе или менѣе угнетающія, наконецъ, убѣждалъ ее снова низойти въ сердце свое, съ большею прилежностью разсмотрѣть его, чтобы послѣ неподвергнуть себя позднему раскаянію въ разсужденіи своей рѣ-

шительности, отъ которой она имѣетъ еще время отказаться.

Лауретта снова совѣтовалась съ сердцемъ своимъ. Сердце ея было непоколебимо, такъ какъ и сердце Альфонса рѣшившагося переносить всѣ горести жизни своей.

Маттей, призвавъ и Альфонса, увѣщевалъ этихъ обоихъ любовниковъ подумать о своемъ предпріятіи.—„Вѣдь это на всю жизнь вашу, дѣти мои, говорилъ онъ имъ, слышали ли вы?—На всю жизнь! Понимаете ли вы, что такое значитъ союзъ долженствующій прерваться только съ жизнію вашею?“

Эта столь ужасная мысль для хладнокровнаго есть истинное утѣшеніе и очарованіе для сердецъ страстно любящихся.

Взоры Альфонса встрѣтились со взорами Лауретты; Лауретта усмѣхнулась, и счастливый Альфонсъ за обоихъ осмѣлился отвѣтствовать: — „мы рѣшились!“ и неразрывный узелъ освятился.—„Да бу-

детъ благость Божія надъ вами! вскричалъ старецъ.

Альфонсъ обнялъ супругу свою, проливающую слезы радости. — „Завтра поутру вы оставите этотъ монастырь, сказалъ отецъ Маттей, а теперь ступайте каждый въ свою комнату и соберите все, что вамъ хочется взять съ собою“.

Они повиновались. Въ продолженіи дня монахъ увѣдомилъ инокинь, что такъ какъ Лауретта завтра оставитъ ихъ, то чтобъ онѣ простились съ нею. — „Она уѣдетъ завтра поутру весьма рано, присовокупилъ отецъ Маттей. Мы теперь претерпѣваемъ двойную потерю; молодой нашъ сакристенъ, желая опять вступить въ свѣтъ, также завтра оставитъ монастырь нашъ“.

Перилла весьма удивилась, услышавъ, что Альфонсъ недоволенъ былъ своимъ состояніемъ. — „Едва ли ты сыщешь гдѣлибо столь блаженную должность!“ сказала она ему. Потомъ, давъ ему нѣсколь-

ко наставленій для блаженства его, утѣшилась надеждою, что наслѣдникъ его будетъ пообращательнѣе.

На другой день, когда утреннее священнодѣйствіе совершилось, когда монахини были въ кельяхъ своихъ и Перила была занята убираніемъ притвора, Матей взошелъ въ келью Лауретты, велѣлъ ей переодѣться въ то пилигримское платье, въ которомъ прибыла въ монастырь мать ея, и проводилъ ее нетерпѣливому Альфонсу. — „Примите, друзья мои, сей малый знакъ моего дружества, сказалъ имъ добрый старецъ, подавая имъ маленькій кошелекъ. Это золото вамъ пригодится, — а мнѣ оно не нужно“.

Они поцѣловали руку его. Маттей далъ имъ послѣднее свое благословеніе и при помощи Альфонса трепещущими руками поднялъ желѣзные, тяжелые поперечники, запирающіе ворота. Лауретта, проходя ихъ, не могла удержать слезъ своихъ. — „Прощай наилучшій изъ людей, прощай почтенный другъ мой, вскричалъ Аль-

фонсъ.—„Прощайте, прощайте!“ кричали они оба.

Старецъ Маттей, возведши руки и очи свои на небо, затворилъ навсегда за ними ворота монастыря Сенъ-Елены.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОЛНОЧНЫЙ КОЛОКОЛЪ

ИЛИ

ТАИНСТВА КОГЕНБУРГСКАГО ЗАМКА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть вторая.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ГЛАВА I.

Вечеръ остановилъ нашихъ путешественниковъ. Они рѣшились провести ночь въ трактирѣ, въ которомъ Альфонсъ принужденъ былъ признаться, что онъ чувствуетъ себя чрезвычайно нездоровымъ такъ что немедленно надлежало положить его въ постелю.

Влажная погода и холодъ той ночи, въ которую онъ выѣхалъ изъ Шмальдартскаго замка, безпокойствія, скорый и неожидаемый переходъ отъ горести къ радости, усилія прошедшаго дня и ночи скрыть положеніе свое, страшась остановкою подвергнуть опасности благосостояніе отца Лауретты,—всѣ эти обстоятельства

соединившись, разстроили его здоровье. У него появилась горячка гораздо опаснѣе той, отъ которой онъ едва выздоровѣлъ.

Графъ Бирофъ взялъ на себя попеченіе доставить Альфонсу всевозможное стараніе въ этой деревнѣ, въ которой они находились. — Лауретта всю ночь препроводила возлѣ постели своего супруга. — На другой день, поутру, признаки болѣзни сдѣлались гораздо болѣе подозрительными.

Жестокость болѣзни возрастала часъ отъ часу больше, до четырехъ дней и лѣкарь подавалъ весьма слабыя надежды; — но въ пятый уже день — онъ объявилъ, что Альфонсъ находится совершенно внѣ опасности; однако жъ онъ совѣтовалъ графу и Лауреттѣ исполнять съ точностію всѣ его предписанія, чтобъ посредствомъ неумѣстной потачливости не подвергнуть его смертельному удару.

Лауретта не оставляла мужа своего ни на одну минуту. Отецъ не могши проти-

виться ея усиліямъ и принудить ее успокоиться началъ чрезвычайно безпокоиться о здоровьѣ своей дочери, такъ какъ она провела пять сутокъ не смыкая ни на минуту глазъ своихъ.—Альфонсъ былъ внѣ опасности; графъ принужденъ былъ приказать ей подкрѣпить себя сномъ, обѣщая ей въ то же самое время находиться у мужа во время ея сна, и если только случится какая-нибудь перемѣна въ его здоровьи, т. е. хорошая или худая, важная или мало стоющая, то онъ увѣдомитъ ее въ ту же самую минуту.

Едва только Лауретта успѣла выдти, Альфонсъ попросилъ пить. Трактирщица приготовила для него въ кухнѣ ячную воду ему предписанную. Графъ и побѣжалъ за этимъ лѣкарствомъ. На лѣстницѣ онъ услышалъ смѣшанный шумъ людей, говорящихъ весьма громко и смѣющихся во все горло; хохотъ переставалъ на одну минуту, и онъ могъ явственно услышать голосъ человѣка, котораго жалобы казалось возбуждали смѣхъ въ слушателяхъ.

Пусть чертъ меня возьметъ, кричалъ этотъ человѣкъ, если я не отдамъ всего на свѣтѣ, чтобъ только умереть теперь".

Графъ отворилъ двери кухни въ ту самую минуту, когда эти слова возбуждали величайшій хохотъ. Но при входѣ его, человѣкъ, черты лица котораго препятствовалъ ему различить блѣдный свѣтъ лампады, повѣшенной въ плафондѣ вставъ и опустивъ рюмку вина, которую онъ подносилъ къ губамъ своимъ, бросился къ нему и упавъ предъ нимъ на колѣни обнималъ ихъ руками своими. „Наконецъ, я васъ нашелъ, наконецъ, я васъ вижу! „вскричалъ человѣкъ этотъ, и графъ узналъ въ немъ Жака Перлета. „Онъ съ ума сошелъ! онъ съ ума сошелъ!" кричали присутствующіе, и громкій смѣхъ умножался.

Нѣсколько времени радость отнимала языкъ у Жака, а удивленіе произвело то же дѣйствіе и надъ графомъ. Трактирщикъ, подозрѣвая молчаніе графа,

приблизился къ Перлету, чтобъ освободить его отъ скучнаго просителя.

Жилистыми руками онъ сжалъ крѣпко лѣвую руку Жака. Перлетъ вышелъ изъ своего изступленія, и если бы графъ не удержалъ правой руки его, то трактирщикъ дорого бы заплатилъ за то, что вмѣшался не въ свое дѣло.

Скорый выходъ трактирщика обратилъ смѣющихся на сторону Жака. Насмѣшки часто дѣлаютъ храбрыми и трусовъ. Трактирщикъ возвратился пылая мщеніемъ и приготовился къ сраженію, когда графъ вставъ между ними объявилъ, что онъ принимаетъ участіе въ Жакѣ, и что желаетъ, чтобъ ссора эта непремѣнно кончилась.

Этого довольно было, чтобъ усмирить бѣшенство трактирщика, и Жакъ воспользовался первою минутою молчанія, чтобъ всеусердно изъяснить радость свою — наслѣдши *господина своего*. Въ восхищеніи своемъ онъ кричалъ, что графъ одинъ

только подъ солнцемъ, что столь добраго человѣка никогда еще не рождалось въ мірѣ, кромѣ умершаго отца его.

Такимъ образомъ окончилась ссора, и миръ заставилъ молчать зрителей, одинъ только Жакъ, стоя близъ графа, не переставалъ говорить.

Ахъ м-сье! говорилъ онъ, какъ могли вы рѣшиться оставить замокъ и не взять меня съ собою? Неужели вы сомнѣвались въ моей вѣрности? Нѣтъ — я бьюсь объ закладъ—что вы въ этомъ не сомнѣвались. За цѣлый свѣтъ я не согласился бы остаться безъ васъ въ проклятомъ этомъ мѣстѣ. Божусь вамъ—тамъ гораздо еще хуже Бастиліи. Но слава Богу? я васъ нашелъ, и если когда оставлю васъ, то пусть дядя мой и Кроонцеръ, оба вмѣстѣ поймаютъ меня".

Въ то же самое время съ другой стороны трактирщикъ разсказывалъ присутствующимъ, что Жакъ пришелъ пѣшкомъ, назадъ тому часа два—спрашивая такую

особу (впрочемъ, теперь я вижу, обратясь къ графу, сказалъ онъ, кого онъ спрашивалъ), которой онъ не описывалъ примѣръ — упоминая только нѣсколько разъ, что этотъ человѣкъ имѣлъ съ собою молодую дѣвушку, а иногда говорилъ молодую женщину и молодого мужчину, а иногда, что онъ былъ только одинъ.

Сверхъ того, продолжалъ трактирщикъ, онъ говорилъ половину французскимъ и половину нѣмецкимъ языкомъ, и такъ необыкновенно, что никто не понималъ его совершенно — онъ безпрестанно твердилъ *Бастилія, Бастилія,* и всѣ почли его за сумасшедшаго. Мы смѣялись надъ нимъ тогда, когда его сіятельство, показывая на графа, взошелъ сюда.

Бирофъ воспользовался первою минутою молчанія, чтобъ объяснить трактирщику какую привязанность онъ имѣетъ къ Жаку, и велѣлъ ему поступать съ нимъ ласково. Потомъ обратившись къ Перлету, сказалъ, что ему необходимо надобно

быть при больномъ другѣ его; почему обѣщавшись видѣться пораньше, простился и возвратился въ Альфонсову комнату.

Графъ Бирофъ весьма былъ доволенъ нашедши столь нечаяннымъ образомъ Жака, въ истинной привязанности также онъ былъ совершенно увѣренъ—онъ вознамѣрился воспользоваться имъ въ продолженіи своего путешествія—ему нимало не было удивительно, что такой человѣкъ, который убѣжалъ изъ Бастиліи, могъ убѣжать и изъ замка; но ему чрезвычайно хотѣлось знать, по какому счастливому случаю онъ нашалъ своего господина.

Едва занялась заря, какъ Лауретта пришла въ комнату своего мужа. Альфонсъ спалъ еще, почему графъ вышелъ изъ покоевъ и оставилъ своей дочери стараніе, такъ пріятное для нее, сидѣть возлѣ милаго ея Альфонса.

Жакъ уже всталъ, и графъ нашелъ его сидящаго въ ожиданіи своего господина на скамьѣ противъ трактира и

занимающагося повтореніемъ своего искусства надъ своими сапогами, которые отъ долгаго путешествія его были въ худомъ положеніи.

Какъ скоро онъ завидѣлъ графа, бросился съ скамьи своей и, взявши одну руку любезнаго господина въ свои руки вторично изъявилъ свою радость при столь нечаянной находкѣ. Съ своей стороны графъ увѣрилъ его въ своей радости при встрѣчѣ съ нимъ, посадилъ Жака, сѣлъ самъ и спросилъ его, какой случай привелъ его въ этотъ трактиръ.

— Кой чортъ, это не случай, м-сье, но счастіе меня привело сюда. Вышедши изъ замка разбойниковъ, я рѣшился обѣгать всю Имперію и спрашивать васъ у всякаго человѣка, пока найду васъ. Теперь вы видите, м-сье, какъ я счастливъ—слава Богу! я надѣюсь уже, что вы никогда меня, м-сье! впередъ не оставите".

Графъ просилъ его успокоиться въ

этомъ предположеніи и объявилъ ему причины, принудившія его оставить замокъ; послѣ того онъ разсказалъ ему также кое-что изъ болѣе важнаго, случившагося послѣ его побѣга.

— Очень хорошо, м-сье, какъ же вы думаете, какъ я убѣжалъ?“ — „Я хорошо знаю, что ты очень изобрѣтателенъ, но не могу отгадать, какимъ образомъ ты могъ обмануть стражу разбойниковъ, которая послѣ моего побѣга безъ сомнѣнія удвоилась. — Такъ слушайте же м-сье! — Кроонцеръ возвратился ночью, собралъ общій сборъ и увѣдомилъ насъ о смерти Теодора, какъ и о томъ, что мнимая сестра его ваша дочь. Всякой разсуждалъ по своему: однакожъ согласились всѣ, что весьма естественно убѣжать съ своею дочерью, клялись всѣ, что они почитали васъ слишкомъ за честнаго человѣка, чтобъ вы могли измѣнить имъ послѣ такого пріема вамъ учиненнаго; почему рѣшено было не отыскивать васъ и не дѣлать вамъ никакого зла если случай приведетъ васъ въ ихъ руки.

„Теперь м-сье! слушайте мою исторію — какъ скоро я услышалъ что вы ушли отъ насъ навсегда, то возымѣлъ желаніе и я то же сдѣлать; но я не смѣлъ просить позволенія, потому что я не думалъ, чтобъ они довѣрили мнѣ столько, сколько вамъ и что если сдѣлаю подобный запросъ, то они увелича свою стражу сдѣлаютъ побѣгъ мой невозможнымъ; почему я и довольствовался только тѣмъ, что жаловался на вѣчную съ вами разлуку, объявилъ всѣмъ, что если на другой день не увижу васъ, то я умерщвлю себя. Разбойники смѣялись надо мною, но я зналъ, что я дѣлалъ. На другой день я представился чрезвычайно разстроеннымъ и когда наступала ночь, то разбойники спрашивали меня, сдержу ли я слово свое. Я молчалъ и легъ спать не раздѣваясь. Какъ скоро всѣ уснули, я всталъ пробѣжалъ караульнаго, дошелъ до восточнаго отдѣленія замка и положилъ на камень шляпу и носовой платокъ, замяукалъ какъ кошка, взлѣзши наперед на одну изъ старыхъ ивъ, ко-

торые растутъ по берегу. Множество разбойниковъ, разбужденныхъ караульнымъ, сбѣжались ко мнѣ и нашедши одну мою шляпу почли меня утопшимъ въ рѣкѣ. Потомъ учинивъ еще нѣкоторыя безполезныя отъисканія, они заключили дѣйствительно, что я бросился въ омутъ и возвратились, не изъявивъ ни радости ни печали. По уходѣ ихъ, я слѣзъ съ своего дерева, и съ того самаго времени, м-сье! я шелъ безпрерывно, незная самъ куда".

Приходъ лѣкаря прервалъ ихъ разговоры. Графъ Бирофъ возвратился съ нимъ въ комнату Альфонса.

Предъ исходомъ утра Жакъ былъ представленъ Альфонсу и Лауреттѣ. Первый принялъ его такъ, какъ принимаютъ больные; а Лауретта приняла его какъ человѣка, коему она обязана жизнью своего отца.

Здоровье Альфонса поправлялось часъ отъ часу лучше, такъ что по истеченіи

десяти дней лѣкарь позволилъ имъ продолжать путь свой; почему наши путешественники въ препровожденіи Жака пустились въ дорогу—они прибыли благополучно въ трактиръ, лежащій по дорогѣ между замкомъ Когенбургскимъ и домомъ графа Фридерика, въ разстояніи на одну милю отъ этихъ мѣстъ.

ГЛАВА II.

Къ счастію Альфонса желающаго быть неизвѣстнымъ, харчевня эта перемѣнила жителей съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ эту сторону. Почему харчевникъ ихъ и принялъ за обыкновенныхъ путешественниковъ.

Спустя нѣсколько времени по ихъ прибытіи, Альфонсъ искалъ случая разговориться о томъ, что занимало всѣ мысли его. — „Этотъ замокъ весьма красивъ, который отстоитъ отсюда на одну милю“ — „Да, подлинно, что хорошъ, сударь! Кто тамъ живетъ? — „Никого“. — „А кому онъ принадлежитъ“. — „Фамиліи Когенбургъ“. — „Для чего же они не живутъ въ немъ“. — „Ахъ сударь! они всѣ

умерли, исключая одного бѣднаго дворянина, брата послѣдняго жившаго здѣсь Когенбурга. Говорятъ, что и этотъ братъ, мучаясь ужасными мученіями совѣсти и не могши нигдѣ найти себѣ спокойствія, удалился въ монастырь для раскаянія въ грѣхахъ своихъ и для примиренія съ Богомъ“.—„Но въ какомъ же преступленіи обвиняютъ его? — „Я еще недавно здѣсь, впрочемъ, слышалъ, что графъ Фридерикъ, младшій изъ двухъ братьевъ, живши въ прекрасномъ домѣ на одну милю отсюда на лѣво (сей домъ дѣйствительно занятъ графомъ Радвельтомъ), былъ столь ревнивъ къ замку и богатствамъ своего брата, что онъ приказалъ убить его въ Вольфскомъ лѣсу, когда онъ возвращался въ свой замокъ, и наконецъ убилъ собственными своими руками жену и сына брата своего“.

Альфонсъ силился усмѣхнуться; но это повѣствованіе чрезвычайное сдѣлало надъ нимъ впечатлѣніе, такъ что онъ не могъ скрыть сего. Онъ чувствовалъ, что

ему невозможно противустоять любопытству и объявилъ графу и Лауреттѣ, что онъ рѣшился увѣриться этой же ночью точно ли слышенъ звонъ колокола въ замкѣ.

Устрашенная Лауретта, со слезами въ глазахъ, заклинала его отложить это изысканіе до утра слѣдующаго дня. — Альфонсъ согласился на просьбу ея съ тѣмъ однако жъ, чтобъ основать свое жилище въ замкѣ, если исходя весь замокъ и осмотрѣвъ кабинетъ отца своего, не найдетъ онъ никакого изъясненія ужасной тайны. Препроводивъ ночь безъ сна, онъ всталъ, имѣя духъ удрученный всѣми заключеніями, которымъ онъ предавался во время своей безсонницы. Прежде нежели онъ собрался итти, ему должно было побѣдить новыя препятствія. Запрещеніе матери его не входить вѣчно въ замокъ, страхъ, не разставлено ли сѣтей ему для случая его возвращенія, остановили его на минуту. — рѣшился, Пойдемъ! вскричалъ онъ, обнявъ Лаурет-

ту, препоручилъ ее графу Бирофъ и выѣхалъ. Долго Лауретта провожала его глазами своими, пока вѣтви деревъ, растущихъ вдоль дороги не скрыли его совершенно.

Съ занятымъ тысячью противуспоряющихъ мыслей духомъ, Альфонсъ отдался на произволъ своей лошади въ разсужденіи дороги. Но вскорѣ онъ увидѣлъ тропинку, весьма ему извѣстную. Оставилъ большую дорогу, пришпорилъ лошадь свою и вскорѣ увидѣлъ замокъ Когенбургскій. Сколько различныхъ чувствованій тогда скопилось въ душѣ его! Переѣхавъ ровъ, онъ приблизился къ той конюшнѣ, гдѣ осѣдлалъ онъ свою лошадь поутру того дня, въ который оставилъ древнее жилище отцевъ своихъ. При видѣ мѣстъ опустѣвшихъ, а нѣкогда столь одушевленныхъ, онъ не могъ удержать слезъ своихъ.

Поставивъ лошадь свою въ конюшнѣ Альфонсъ пошелъ прямо къ замку, ворота были заперты и онъ тщетно ста-

рался отворить ихъ, бросился къ тайнымъ дверцамъ—тоже препятствіе. Тогда онъ обошелъ вокругъ весь замокъ, осматривалъ окошки, которыя впрочемъ были всѣ съ крѣпкими рѣшетками, надѣясь найти какое-нибудь такое окно, чрезъ которое можно было бы пролѣзть ему; а про то и позабылъ онъ, что они слишкомъ были высоки для его предпріятія.

Отчаявшись въ безполезности своихъ усилій; онъ не могъ однако жъ оставить это мѣсто. Наконецъ, онъ рѣшился возвратиться въ трактиръ, посовѣтоваться съ графомъ Бирофъ о томъ, что ему оставалось дѣлать. Онъ еще сдѣлалъ усиліе; но все та же неуспѣшность, ворота не отворялись. Почему онъ сѣлъ на свою лошадь и возвратился въ трактиръ, гдѣ разсказалъ графу случившееся съ нимъ, просилъ его совѣта въ разсужденіи будущихъ поступковъ.—„Не такъ легко, отвѣчалъ графъ, отвѣчать на предметъ столь деликатный. Ворота замка заперты, вы не знаете живетъ ли тамъ кто или

нѣтъ. Можетъ быть случай откроетъ, что, судя по общему мнѣнію этой страны, онъ служитъ убѣжищемъ какому-нибудь человѣку, желающему жить въ неизвѣстности и который можетъ быть рѣшился наказать жестоко того, кто дерзнетъ возмутить его уединеніе". — „Но если существо въ замкѣ обитающее, сказалъ Альфонсъ, хочетъ жить въ неизвѣстности, то для чего же всякую ночь звонятъ въ колоколъ?" — „Какія же вы имѣете къ тому доказательства?" — „Молодой рудокопникъ и трактирщикъ нашъ меня именно увѣрили оба". — „Но они никогда не слышали сего звона и вѣроятно всѣ тѣ, которые трепещутъ разсказывая про это дѣйствіе, трепещутъ отъ одного воображенія напуганнаго баснями старухъ. — „Такъ я самъ въ томъ увѣрюсь! сказалъ Альфонсъ, прежде нежели возьму надлежащія мѣры. Я простою всю ночь подъ стѣнами замка до того часа, въ который сей таинственный колокольный звукъ слышится". Впрочемъ онъ обѣщался Лоуретѣ не искать средствъ проник-

нуть въ эту ночь въ замокъ — почему она и согласилась на то, чтобъ онъ простоялъ внѣ замка слѣдующую ночь и узналъ, что должно думать о полночномъ колоколѣ съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, чтобъ отецъ ея ему сопутствовалъ; но Альфонсъ увѣрилъ ее, если отецъ ея не останется съ нею въ трактирѣ. Онъ согласился только взять съ собою Жака сопутникомъ въ ночномъ своемъ походѣ.

Альфонсъ зная, что ему нельзя выйти ночью безъ того, чтобъ трактирщикъ не узналъ объ томъ и чтобъ это необыкновенное обстоятельство не возбудило его любопытства, рѣшился сказать ему, что онъ идетъ эту ночь слушать необычайный звонъ колокола, о которомъ онъ говорилъ ему. Трактирщикъ не подозрѣвая истинныхъ побужденій Альфонса, старался отвратить его отъ этого предпріятія всѣми своими доказательствами, которыя вдыхало въ него слѣпое суевѣріе. Наконецъ, видя его непреклоннымъ закаялъ

его взять съ собою маленькій крестикъ. — „Этотъ крестъ, сказалъ онъ ему, принадлежалъ умершей женѣ моей; предохранитъ онъ васъ отъ всѣхъ дьяволовъ и духовъ“. Чтобъ не показать себя безбожнымъ Альфонсъ принялъ крестъ его и повѣсилъ на свою грудь.

Въ десять часовъ вечера Альфонсъ и Жакъ пошли пѣшкомъ въ замокъ.

Въ продолженіи дня Жакъ былъ храбръ но ночью малѣйшій вѣтерокъ, каждая тѣнь пугала его. Графъ Бирофъ зная его твердо позабылъ разсказать ему о побужденіяхъ любопытства Альфонсова относительно къ звону Когенбургскаго замка, и какъ къ счастію онъ никогда не слыхивалъ о таинствахъ и при видѣніяхъ, которыя отдаляли всѣхъ отъ сего ужаснаго замка, то онъ и силился въ продолженіи всей дороги поддерживать свою бодрость, повторяя безпрестанно. „А что звонъ колокола ночью не страшнѣе дневного?“

Альфонсъ погрузившись въ свои размышленія не былъ расположенъ къ разговорамъ.

Они еще и третей части не прошли дороги. — „А что слышате ли вы М-сье? вскричалъ вдругъ Жакъ". — „Чего?" — Колоколъ М-сье! — „Мы еще слишкомъ далеко отъ замка, чтобъ могли слышать". — „Я таки то и думаю М-сье! По этому то я и спрашиваю васъ; слышате ли вы?"

Еслибъ Жакъ сказалъ правду, то онъ послѣ признался бы, что идти такимъ образомъ въ молчаніи весьма скучно, и что не надѣясь завлечь Альфонса въ разговоры о другомъ предметѣ, онъ думалъ симъ средствомъ прервать столь для него тягостное молчаніе. Впрочемъ, хитрость его не удалась ему; такъ какъ Альфонсъ предался снова мрачнымъ размышленіямъ. — „Мѣсяцъ уже восходитъ М-сье! сказалъ Жакъ — онъ уже начинаетъ понемногу свѣтить намъ".

Альфонсъ поднялъ глаза свои и въ

тоже мгновенье опять опустилъ ихъ. — „А сколько, М-сье, звѣздъ? Несчитывали вы когда-нибудь“. — „Нѣтъ“. — „Да и я также М-сье. Впрочемъ мнѣ-бъ хотѣлось чтобъ кто-нибудь это сдѣлалъ“. — Нѣтъ отвѣту. — „Я думаю, что ихъ болѣе тысячи и бьюсь объ закладъ, что я теперь вижу ихъ около пяти сотъ; впрочемъ бываютъ и такія ночи когда и половины звѣздъ неувидѣшь. Неужли М-сье! тамъ нѣтъ ихъ болѣе тысячи? — „Чего?“ — „Звѣздъ. М-сье!“ Тщетно Жакъ ожидалъ отвѣта.

Альфонсъ на всѣ вопросы, случайно имъ услышанныя, отвѣчалъ машинально непонимая настоящаго смысла оныхъ.

Когда языкъ Жака не помогалъ глазамъ и ушамъ, то воображеніе его представляло ему одни безобразныя чудовища; слухъ его поражался плачевными, мрачными стонами и онъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, не могъ выдумать ничего такого, чтобъ могло развеселить его. Наконецъ ему взошла на умъ

счастливая мысль.—„Кажется мнѣ, что я весьма удобно могу М-сье?“—сказалъ онъ и принялся считать своими пальцами *одна, двѣ три*... и проч. онъ восхищался своимъ открытіемъ. Это упражненіе завяло вдругъ и глаза и языкъ и слухъ его. Такимъ образомъ прошла третья часть дороги. Жакъ, занявшись своимъ счетомъ, шелъ весьма медленно и наконецъ уставши астрономить и соскучивъ слышать одинъ только свой голосъ въ воздухѣ, оставилъ счетъ свой и искалъ глазами Альфонса, почитая его всегда возлѣ себя, но сколь было велико его удивленіе!—его не было. Жакъ остановился, осматривалъ вокругъ себя, пробѣгалъ отдаленности, сколько ему позволялъ слабый звѣздный свѣтъ; но Альфонса не было и Жакъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать по тому направленію, по которому, предполагалъ онъ надлежало итти его товарищу, бѣгучи дорогою, онъ кричитъ что есть силы:—„М-сье! М-сье!“—М-сье! не слыхалъ его голоса; по тому что будучи нечувстви-

тельнымъ къ окружающимъ его предметамъ, онъ неприметно выпередилъ своего компаньона, котораго шаги умедлялъ астрономическій счетъ и перешелъ довольное разстояніе прежде нежели могъ его догнать Жакъ. Восклицанія Перлета извлекли его изъ задумчивости, онъ остановился въ ожиданіи его и вскорѣ они соединились къ великому удовольствію и того и другого. Жакъ разсказалъ Альфонсу причину своей минутной остановки и не желая оставить разговоръ свой, который онъ имѣлъ счастіе завести, спросилъ у Альфонса: — „А сколько вы уже видѣли дьяволовъ, М-сье! какъ вы начали жить?“ — „Ни одного„. — „Слѣдовательно вы менѣе моего ихъ видѣли М-сье! потому-то я и не люблю оставаться въ потемкахъ“. — „Напротивъ я думалъ, что темнота для тебя очень пріятна“. — „Почему же м-сье?“ — „Потому что ты не видишь тогда того, что тебя столь пугаетъ“ — „Ахъ любезный мой м-сье! что это вы говорите? Развѣ дьяволы не свѣтлы?“

Альфонсъ не имѣлъ духу шутить надъ сѣтинымъ понятіемъ Жака, ни принудить себя поправить его разумными доказательствами, онъ хранилъ глубокое молчаніе.

Здѣсь Жакъ имѣлъ передъ собою пространное поле къ разговорамъ. Онъ пустился говорить о мертвецахъ, волшебникахъ и дьяволахъ; но вскорѣ Когенбургскій замокъ представился взору ихъ.

Подошедъ почти подъ самыя стѣны замка, они сѣли на зеленомъ холмикѣ въ ожиданіи звона колокола. Мѣсяцъ, выбравшись изъ мрачныхъ облаковъ, его затемняющихъ, освѣщалъ пространное это строеніе, безмѣрная тѣнь котораго даже до нихъ простиралась. Видъ этой величественной стѣны возродилъ въ Жакѣ не изъяснимыя ему чувства.—Божусь, по нѣкоторомъ размышленіи сказалъ онъ въ полголоса Альфонсу, что если опредѣлено мнѣ видѣть другого дьявола, то только въ этомъ мѣстѣ я долженъ ожидать встрѣ-

ли его". — „Дурачество! вскричалъ Альфонсъ, какъ можешь ты ожидать того, что не существуетъ?" — „Ахъ! Боже мой! что вы-то говорите? всѣ священники въ свѣтѣ не увѣрятъ меня въ томъ, что я не видѣлъ того демона, о которомъ говорилъ я вамъ". — „Если ты видѣлъ, то я ни слова не говорю объ томъ, сказалъ Альфонсъ, желая этою потачливостью избавиться отъ болтливаго своего сотоварища и безъ помѣхи предаться своимъ размышленіямъ произрождающимся въ немъ отъ мѣста, времени и обстоятельствъ". — „Однако же я думаю, что вы мнѣ повѣрите м-сье! сказалъ Жакъ надѣясь разговориться съ Альфонсомъ. Я вамъ разскажу это приключеніе, позволите ли вы мнѣ, м-сье? „Ахъ хорошо, хорошо! сказалъ Альфонсъ, рѣшившись не слушать его и надѣясь этимъ позволеніемъ избавить себя отъ замѣшательства отвѣчать на его вопросы.

Жакъ осмотрѣлся и изъ предосторожности приблизился къ Альфонсу, потомъ

началъ такимъ образомъ: — „Мнѣ уже было около пятнадцати лѣтъ, отецъ мой имѣлъ тогда въ....“

Въ эту минуту зазвонилъ колоколъ полуденной башни, котораго пронзительные звуки разливались въ воздухѣ. Альфонсъ всталъ а Жакъ остался на холмѣ, такъ сказать, какъ вкопанный или какъ окаменѣлый отъ страху.

ГЛАВА III.

Бирофъ и Лауретта, желая нетерпѣливо узнать послѣдствіе предпріятія Альфонсова, не спали всю ночь. Они ожидали его до второго часа по полуночи. Второй часъ прошелъ и они начали безпокоиться; но ничто не могло сравниться съ ихъ удивленіемъ, когда въ два часа они увидѣли Жака, съ испуганною физіономіею вбѣжавшаго.—„М-сье! м-сье! прибѣжавъ, вскричалъ Жакъ, его черти взяли, они заключили его въ этомъ проклятомъ замкѣ я прозакладаю свою голову, если онъ выйдетъ оттуда.—Христа ради м-сье побѣжимъ въ ближнюю деревню, соберемъ народъ и раззоримъ этотъ замокъ“.

Графъ не понялъ ничего изъ странныхъ словъ его, но прежде нежели онъ спросилъ у Жака дальнѣйшаго разъясненія, кинулся къ Лауреттѣ, которая упала въ обморокъ.—„Я вѣдь говорилъ ему, сказалъ трактирщикъ пришедши съ водою, если бъ онъ послушалъ старика, то бъ никогда съ нимъ этого не было. Я самъ знаю, что тотъ дьяволъ, который звонитъ въ колоколъ, самый злой дьяволъ“.—„Что говоритъ, возразилъ Жакъ, я самъ видѣлъ трехъ чертей, ростомъ съ насъ и черныхъ какъ трубочисты, я видѣлъ и лице ихъ и руки ихъ, словомъ, я все видѣлъ у нихъ“.—„Избави насъ Пресвятая Богородица! перекрестясь, и поднявши глаза къ потолку, сказалъ трактирщикъ.

Здѣсь Лауретта пришла въ себя. „Говори гдѣ Альфонсъ, сказала она Жаку, въ замкѣ что ли онъ? Отвѣчай мнѣ“—„Да, сударыня, онъ заключенъ въ замкѣ; но не бойтесь, сударыня я божусь, что дьяволы ему ничего не сдѣлаютъ;

потому, что они всѣ вышли изъ замка и его тамъ оставили“.—„Да изъяснись хорошенько, сказалъ Бирофъ, говори явственно, что такое случилось?“—„Хорошо, м-сье! Когда колоколъ зазвонилъ“.... „Боже мой, Боже мой! сказалъ трактирщихъ, перервавъ его, такъ ты слышалъ звонъ, я зналъ и прежде, что я говорю правду“.—„Я всѣхъ увѣряю, что я слышалъ и никогда этого не забуду. Когда колоколъ зазвонилъ, господинъ Альфонсъ сказалъ мнѣ, что онъ увѣренъ твердо, что въ замкѣ обитаютъ, всталъ и побѣжалъ съ другой стороны къ замку, чтобъ сыскать, не увидитъ ли гдѣ-нибудь огня, приказавъ мнѣ смотрѣть безпрестанно на замокъ, противъ котораго сидѣлъ я.

Я остался въ этомъ положеніи около двухъ часовъ. Альфонса не было; случались минуты, въ которыя я осмѣливался смотрѣть на замокъ, а иногда бывали и такія, въ которыя я не смѣлъ открыть и глазъ своихъ. Наконецъ, я увидѣлъ

Альфонса, въ восхищеніи побѣжалъ навстрѣчу къ нему; но онъ не слышалъ и не видѣлъ меня. Это непонятно! сказалъ онъ, присовокупя при томъ, что ему хочется непремѣнно узнать, заперты ли вороты или нѣтъ и что онъ самъ придетъ одинъ на другой день поутру“.—„Это весьма прекрасныя мысли, сказалъ я, большія вороты были заперты, но маленькія дверцы, находящіяся въ концѣ замка, были полуотворены. Альфонсъ удивился, и запретивъ мнѣ слѣдовать за нимъ, приказалъ ожидать себя на томъ мѣстѣ, гдѣ я находился и вошелъ съ поспѣшностью въ замокъ“.—Безъ огня? спросила Лауретта.—„Безъ огня, сударыня“.—„Объ этомъ нечего безпокоиться, сказалъ графъ Бирофъ, ему совершенно извѣстны существа, въ замкѣ обитающія“.—„Да сохранитъ его Господь Богъ, вскричала Лауретта задыхавшимся отъ всхлипыванія голосомъ“.—„Продолжай, сказалъ графъ Жаку“.—„Ну такъ, м-сье, я ожидалъ, ожидалъ, ожидалъ, онъ не возвращался. Я не смѣлъ болѣе

остаться возлѣ замка, удалился на нѣсколько шаговъ и сѣлъ противъ маленькихъ дверей. Минуту спустя я увидѣлъ вышедшихъ оттуда трехъ черныхъ дьяволовъ, о которыхъ я уже вамъ говорилъ и..." — „Какихъ дьяволовъ, спросила Лауретта съ нетерпѣливостію, такъ какъ она не слыхала перваго повѣствованія Жака. — „Да, сударыня, дьяволовъ, чертей, сударыня, потому, что они прошли мимо меня ни говоря ни слова и прошли такъ, что я не слыхалъ ни малѣйшаго шороху. Послѣдній изъ нихъ заперъ маленькія дверцы, и я самъ слышалъ звукъ ключа въ замкѣ!" — „Да увѣрился ли ты точно, что онѣ заперты?" — „Сохрани меня Богъ, да я не смѣлъ и приблизиться къ нимъ. Что бы изъ меня было, если бы я опять ихъ увидѣлъ? Они научили бы меня какъ мѣшаться въ ихъ дѣла. Впрочемъ я ожидалъ Альфонса еще долгое время, но видя, что ожиданіе мое безполезно, прибѣжалъ сюда, сказать вамъ, что тамъ случилось. Слава Богу, я не встрѣтилъ

никого—посмотрите какъ вспотѣлъ, продолжалъ Жакъ, оборотившись къ трактирщику.

Графъ Бирофъ и Лауретта смотрѣли другъ на друга, не смѣя произнести ни одного слова. Они страшились дѣлать себѣ вопросы; не могли также спрашивать и посторонней помощи, чтобы не измѣнить тайнѣ, которую Альфонсъ старался скрывать съ такимъ раченіемъ.

Лауретта впала въ отчаяніе и графъ Бирофъ тщетно искалъ средствъ возродить въ ней надежду, которой и самъ не имѣлъ онъ.

По истеченіи часа сильный стукъ раздался у воротъ. Съ трепетомъ трактирщикъ вышелъ отворить оныя и Альфонсъ взошелъ съ скоростію, бросился въ креслы, не оказавъ ни малѣйшаго вниманія къ его окружающимъ.

Ни поздравленія Жака, ни ласки самой Лауретты долгое время не могли привлечь его, взора, изступленіе изобража-

лось на его, глаза его были обращены въ землю.

Графъ Бирофъ просилъ трактирщика и Жака выйти, которые хотя съ трудомъ, но повиновались ему.— „Ахъ! Альфонсъ сказала Лауретта, обнимая его, какое новое несчастіе случилось съ тобою?— Говори, — заклинаю тебя, скажи мнѣ, раздѣлить твои несчастія—для меня очень очень много значитъ. Это усладитъ собственныя мои горести“. Альфонсъ не отвѣчалъ ни слова и Лауретта, бросилась къ ногамъ его.—„Прерви, ахъ! прерви, вскричала она, это жестокое молчаніе; заклинаю тебя любовію своею, прекрати смертельныя страхи мои—могу ли я что-нибудь сдѣлать для тебя? Скажи одно слово и ты увидишь мое послушаніе“. Альфонсъ всталъ, отошелъ отъ Лауретты и въ тонѣ человѣка разстроеннаго—„Оставь меня! вскричалъ онъ, ахъ! оставь меня, я знаю, что ты меня возненавидишь— такъ! Ты меня возненавидишь“—„Никогда, никогда! клянусь Богомъ! Какъ

могъ ты, душа моя такъ думать о вѣрной своей супругѣ? Если не справедливая судьба увеличила твои горести; то она умножитъ, если только можно, любовь мою".

Великій Боже! достоинъ ли я такого сокровища? Но любовь Ангела ничто иное какъ несчастіе или болѣе еще для меня, котораго жестокая неповинность вызвала матерь изъ гробу.—Такъ! я ее видѣлъ!— Я видѣлъ почтенную тѣнь ея, изшедшую упрекать меня въ моемъ преступленіи!— онъ упалъ на кресло.—„Сердце предвѣщало мнѣ эту опасность, сказала Лауретта, бросившись въ объятіи отца своего.

Альфонсъ оборотился къ Лауреттѣ. Взоры его, казалось, приняли свою ясность.— „Неужели и ты меня проклинаешь? Сказалъ онъ. Я никогда не преступалъ твоей воли. Ахъ! скажи мнѣ, что ты не будешь проклинать меня".—„Не увѣряла ли я тебя въ любви своей, въ вѣрности, въ постоянствѣ моемъ?—„Но ты можешь

перемѣниться, жестокая, нѣкогда и мать моя обожала меня и за одно дѣйствіе не послушности она... Ахъ! если бъ ты ее видѣла". Онъ испустилъ глубокій вздохъ, палъ передъ Лауреттою наколѣни и схвативъ одну изъ рукъ ея, тащилъ ее къ себѣ. — „Умоляйте со мною, умоляйте мать мою, чтобъ она простила меня!" Онъ сложилъ руки свои и казалось молился съ жаромъ. Вся горесть изображалась явственно въ чертахъ его. — „Ахъ! оставь меня! оставь меня!... Остатокъ фразы, вздохъ на губахъ его, онъ упалъ безъ чувствъ къ ногамъ Лауретты.

Графъ Бирофъ, призвавъ Жака, отнесъ съ нимъ Альфонса на его постель. Въ продолженіи цѣлаго часа въ немъ не видно было никакихъ слѣдовъ жизненности. Наконецъ, онъ открылъ глаза, выраженіе физіономіи его перемѣнилась, въ немъ не видно уже было бѣшенства, но одна глубокая, мрачная горесть. Съ безпокойствомъ глаза его блуждали вокругъ себя и остановились на Лауреттѣ. —

Альфонсъ далъ ей знакъ приблизиться и Лауретта подошла къ нему.—Не оставляй меня, сказалъ онъ, взялъ ее за руку, обѣщай мнѣ, что ты меня не оставишь!—„Никогда, никогда!“—„Для чего жъ ты не спала? Ухъ! я видѣлъ самый ужасный сонъ! Ахъ!...“—Лауретта отворотилась скрыть слезы свои.—И вы здѣсь, любезный другъ! устремивъ глаза свои на графа Бирофъ, сказалъ онъ;—да и ты здѣсь Жакъ? Звалъ ли я васъ въ продолженіи моего сновидѣнія?“

Вдругъ, казалось, примѣтилъ онъ, что лежитъ не раздѣвшись одинъ въ своей постелѣ, пробѣгалъ удивленными взорами комнату, потомъ, такъ какъ человѣкъ ищущій привести себѣ что-нибудь на память, всталъ; изступленіе блеснуло въ глазахъ его. — „Нѣтъ это была существенность! вскричалъ онъ, нѣтъ! это не сонъ! Ахъ! если бъ это сонъ былъ!“

Ночь прошла печально; часто Альфонсъ отвѣчалъ такъ какъ должно на вопросы. Когда же графъ Бирофъ задѣвалъ за чув-

ствительную струну; то разсудокъ снова оставлялъ его.

Горести Лауретты и безкойствія графа умножались. Жакъ плакалъ, молился, иногда давалъ совѣты графу и время отъ времени шепталъ трактирщику на ухо, что онъ заподлинно знаетъ, что это все зло причинили черные черти; съ своей стороны трактирщикъ просилъ графа послать за какимъ-нибудь монахомъ въ монастырь Святого Духа на милю оттуда стоящаго, чтобъ онъ неотлучно молился возлѣ Альфонса. Къ просьбамъ этимъ Лауретта присоединила и свои, особливо видя одинаковое положеніе мужа своего. Графъ не захотѣлъ противиться желанію дочери своей и трактирщикъ взялся самъ сходить въ монастырь; но пріѣздъ нѣкоторыхъ вояжировъ принудилъ его остаться. Лауретта, болѣе нежели когда-либо бывъ безпокойна, страшилась отлагательствами подвергнуть явной опасности жизнь мужа своего. Почему, давши нѣсколько денегъ мальчику ближней деревни, про-

ходящему тогда мимо, просила его проводить Жака къ святому дому.

По истеченіи нѣкотораго времени, Жакъ возвратился въ сопровожденіи одного монаха, принесшаго Альфонсу тѣлесное и душевное вспоможеніе такъ какъ онъ былъ весьма искусный лѣкарь. Какъ скоро Бирофъ увидѣлъ его, подошелъ къ нему и сказавъ только, что разумъ молодого человѣка, для котораго онъ призванъ, помѣшался отъ такого случая, въ которомъ онъ и самъ отчету дать не можетъ, проводилъ его потомъ къ постелѣ Альфонсовой.

Монахъ спрашивалъ графа, знаетъ ли онъ истинную причину болѣзни молодого человѣка? Бирофъ сказалъ ему, что онъ совершенно не знаетъ оной.

Св. отецъ взялъ руку Альфонса, чтобы пощупать пульсъ его. —„Кто ты? устремивши на монаха взоры, вскричалъ Альфонсъ, нося одежду утѣшителя, принесъ ли ты мнѣ прощеніе?—Простила ли мнѣ

она?—„Успокойся, сынъ мой! положись на Бога и все будетъ хорошо.—„О стыдъ! возразилъ Альфонсъ, ты сюда пришелъ меня обманывать! Одежда твоя возрождаетъ надежду въ сердцѣ преступника,— а языкъ твой измѣняетъ моему ожиданію. Оставь меня, ради Бога, оставь меня, не возмущай меня болѣе“. Онъ закрылъ глаза руками своими и углубилъ голову въ подушки. Монахъ, приблизившись къ графу Бирофъ и Лауреттѣ.— „Въ словахъ, которые кажутся столь необыкновенными, кроется таинственный смыслъ, сказалъ онъ. Никогда не бывалъ въ подобномъ положеніи?“—„Никогда“.— „Слѣдовательно причина нечаянная, сказалъ монахъ, отнесясь къ Лауреттѣ“.— „Совсѣмъ нечаянная и неизвѣстная“.— —„Я сдѣлаю для него опіумъ, который надѣюсь, уменьшивъ движеніе чувствъ, приведетъ его къ разсудку“. — „Тогда монахъ, приклонивъ колѣна свои, съ усердіемъ молился Богу, чтобъ ниспослалъ Онъ успѣхъ его стараніямъ, и возстановилъ здоровье тѣла и души его, Лау-

ретта присоединила молитвы свои къ молитвамъ его.

Наконецъ, онъ оставилъ и пошелъ въ въ сопровожденіи Жака, долженствующаго принести питье, имъ обѣщанное Альфонсу.

ГЛАВА IV.

По возвращеніи Жака, Бирофъ тотчасъ примѣтилъ въ его фигурѣ что-то необыкновенное. Онъ читалъ въ лицѣ его желаніе пересказать мысли свои; однако жъ онъ отпустилъ его изъ Альфонсовой комнаты и вышелъ самъ въ ту же комнату.

— „Ахъ! м-сье! вскричалъ Жакъ увидя его я очень доволенъ, что вы вышли. Я имѣю нѣчто особеннаго сообщить вамъ, но никогда бы не осмѣлился сказать передъ сударынею вашею дочкою“.— „Что такое?“ — „Вы тотчасъ м-сье, услышите. Когда я прибылъ въ монастырь, старый монахъ приказалъ мнѣ ожидать его въ общей залѣ, на концѣ которой я

увидѣлъ полуотворенныя двери, за этими дверями я услышалъ вдругъ шумъ нѣсколькихъ голосовъ разсуждающихъ, смѣющихся и шумящихъ: почему въ ожиданіи возвращенія старшаго монаха я приближался къ дверямъ съ жаркимъ, признаюсь вамъ, любопытствомъ.

Графъ Бирофъ, приказавъ Жаку не уходить далеко на случай, чтобъ Лауретта не позвала его, вышелъ прогуляться по лугу, находящемуся противъ трактира и предаться съ большею удобностію размышленіямъ.

Опіумъ былъ принятъ и Альфонсъ уснулъ спустя послѣ пріема нѣсколько времени.

Въ полночь едва уговорилъ графъ Бирофъ Лауретту, не спавшую и прошедшую ночь, итти въ свою постель.

На зарѣ Альфонсъ проснулся, поднялся и сбросилъ одѣяло, казалось прислушивался къ чему-то нѣсколько времени. По истеченіи одной или двухъ минутъ“. —

„Прислушайтесь, сказалъ онъ, не она ли это говоритъ?“ — „Кто? мой другъ, сказалъ Бирофъ приблизившись къ его постели“. — „Мать моя“ сказалъ онъ черезъ минуту молчанія. Графу чрезвычайно хотѣлось продолжать разговоръ; но онъ не зналъ чѣмъ начать его. — „Не хотите ли вы итти со мною въ замокъ, сказалъ ему Альфонсъ“. — „Для чего же другъ мой? Развѣ она тамъ?“ — „Нѣтъ, теперь нѣтъ ея! По крайней мѣрѣ я боюсь того, сказалъ Альфонсъ, смотря на окошки, показывая тѣмъ наступившій день. Я среди глубокаго мрака видѣлъ ее, неужели я вамъ не сказывалъ, что она держала въ рукахъ своихъ лампаду?“ — „Нѣтъ“. — „Но она умерла. Щеки ея были внали и блѣдны. Моя непослушность извлекла ее изъ гроба. Хотѣлось бы мнѣ очень еще увидать ее, что бы испросить у ней прощеніе. Ахъ! если бъ она могла укротить яростные взоры свои, то я умеръ бы съ радостію“. — „Не говорила ли она чего-нибудь вамъ?“ — „Я не знаю говорила ли она, я не могъ сне-

сти ея взора.—Пощупайте мои виски, пощупайте съ какою жестокостію артеріи бьются“ и графъ положилъ руку свою на високъ Альфонса“.—„Ахъ! не принуждайте меня, возразилъ онъ, опять, возвратиться въ замокъ.—Нѣтъ, я никогда не пойду туда; это удвоитъ мое преступленіе. Нѣтъ, я никогда не пойду туда. Я никогда впредь не осмѣлюсь посмотрѣть на нее. Если вы когда-нибудь ее увидите, скажите ей... Но вы ее не увидите, вы ее не ослушивались. Она не будетъ смотрѣть на васъ такъ сурово.—Но я не буду болѣе говорить вамъ объ томъ. На одномъ мнѣ тяготѣло несчастіе...“ Онъ закрылъ подушками лице свое и графъ обѣщался впредь не спрашивать его о такомъ предметѣ, о которомъ одна мысль приводила его въ сумашествіе.

Этотъ короткій разговоръ не объяснивъ графу не мало того, чего ему хотѣлось знать съ такою горячностію, подтвердилъ болѣе въ немъ рѣшительность, посѣтить

замокъ при первомъ удобномъ, представившемся случаѣ, и побудилъ его стараться развязать наконецъ эту странную таинственность.

Спустя нѣсколько часовъ по восхожденіи солнечномъ, отецъ Николай посѣтилъ больного. Онъ увидѣлъ, что опіумъ весьма хорошо надъ нимъ подѣйствовалъ и увѣрилъ Бирофа въ скоромъ его выздоровленіи. Лауретты не было въ комнатѣ когда пришелъ этотъ отецъ; но услышавъ отъ Жака о его приходѣ она прибѣжала въ покой мужа своего и спросила съ горячностію монаха, что онъ думаетъ о Альфонсѣ.

При этомъ имени распространилось удивленіе по всѣмъ чертамъ инока; но онъ скоро принялъ обыкновенное свое спокойствіе и отвѣчалъ на вопросъ Лауретты. Одинъ только Бирофъ замѣтилъ дѣйствіе имени Альфонса надъ отцемъ Николаемъ. Онъ видѣлъ что этотъ послѣдній подъ предлогомъ щупанія пульса, приблизившись къ постелѣ больного раз-

сматривалъ его съ большимъ, нежели когда-либо, вниманіемъ. Послѣ чего обѣщавшись притти къ вечеру добрый монахъ оставилъ ихъ и графъ Бирофъ проводилъ его до самыхъ воротъ трактира, чтобъ воспрепятствовать ему разговориться съ хозяиномъ; по уходѣ его онъ запретилъ харчевнику сказывать, кому бы то ни было о томъ, что Альфонсъ былъ, въ замкѣ, страшась, чтобъ это не было новымъ обстоятельствомъ къ открытію.

Въ вечеру монахъ посѣтилъ ихъ. Альфонсъ все еще находился въ такомъ состояніи что графъ лишался совершенно надежды узнать отъ него причину его сумасшествія; отецъ Николай сѣвъ возлѣ постели его съ тонкостію разспрашивалъ, не знаютъ ли они какой-нибудь хоть отдаленной причины болѣзни Альфонсовой. Лауретта и графъ опять одно и то же отвѣчали, что и въ первый разъ и отецъ Николай замолчалъ на нѣкоторое время, имѣя впрочемъ видъ не слишкомъ довѣрчивый къ ихъ увѣреніямъ.

Изъ далеку ли вы ѣдете, потомъ спросилъ онъ? — „Изъ за нѣсколько миль! отвѣчалъ графъ“.—„А какъ далеко то мѣсто, куда вы ѣдете?“ —„Какъ скоро другъ мой выздоровѣетъ, то онъ рѣшитъ куда намъ ѣхать“.—„Слѣдовательно, вы путешествуете изъ одного удовольствія?“ Графъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ однимъ наклоненіемъ головы. Монахъ сдѣлалъ еще множество и другихъ подобныхъ вопросовъ. Но не получилъ ни на одинъ удовлетворительнаго отвѣта, и уже ночью разстался съ ними.

Лауретта не зная о разговорѣ слышанномъ въ монастырѣ Жакомъ, сочла вопросы отца Николая за обыкновенное любопытство, возбужденное положеніемъ Альфонсовымъ; но графъ не выводя ее изъ заблужденія думалъ объ нихъ совершенно въ другомъ видѣ. Онъ началъ предполагать, что развязка тайны откроетъ графа Фридерика Богенбурга въ монастырѣ Св. Духа, наслаждающагося спокойно своими богатствами столь преступ-

но пріобрѣтенными. Это заключеніе показалось ему достовѣрнымъ и какъ изъ того было видно ясно участіе монаховъ, то онъ и предположилъ, что ему остается одно средство увѣриться, кто звонитъ въ полночный колоколъ; почему онъ и рѣшился не откладывая далѣе, если только не случиться какой-нибудь невозможности, узнать этой же самой ночью, что надлежитъ думать объ томъ.

Монахъ далъ второй пріемъ Альфонсу опіума, который былъ гораздо крѣпче перваго. Это обстоятельство уменьшивъ безпокойство графа принудило его для исполненія своего предпріятія, оставить на нѣсколько часовъ Лауретту. Онъ рѣшился такъ же не подавать ей поводу къ подозрѣнію, что онъ отлучится изъ трактира; почему, когда она попросила его пойти въ свою очередь въ постелю, онъ согласился съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ Жакъ былъ при ней неотлучно въ комнатѣ ея мужа.

Съ трепетомъ трактирщикъ, съ фонаремъ и огнивомъ въ рукахъ проводилъ его до того мѣста, гдѣ направленіе дороги не требовало уже болѣе проводника. Здѣсь графъ просилъ его быть скромнымъ; а трактирщикъ призывалъ всѣхъ святыхъ для охраненія его отъ дьявольскаго наваждения и они разлучились. Одинъ возвратился съ осторожностію въ трактиръ, а другой пошелъ въ замокъ.

Едва только графъ отошелъ нѣсколько шаговъ какъ отдаленный звонъ колокола поразилъ слухъ его. Бирофъ весьма досадовалъ, что необходимость принудила его идти столь поздно; но рѣшившись однажды на свое предпріятіе, онъ удвоилъ шаги свои къ замку.

Подошедъ къ стѣнамъ замка и обошедъ вокругъ его при свѣтѣ луны искалъ онъ глазами дверей потаенныхъ. Вдругъ яркій свѣтъ показался въ одномъ окошкѣ втораго этажа—графъ остановился; но свѣтъ исчезъ и онъ пошелъ далѣе увѣрясь,

что этотъ свѣтъ былъ игра его воображенія.

Наконецъ онъ приблизился къ потаеннымъ дверцамъ, потрясаетъ ихъ сильною рукою своей, и онѣ уступаютъ его усиліямъ. Взошедъ на дворъ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, прислушивается и озирается вокругъ себя; но слышитъ одно глубокое молчаніе и видитъ одинъ только мракъ.

Возвратившись назадъ и вышедъ за дверцы, зажегъ лампаду свою и скрывъ оную подъ широкій свой плащъ, входитъ въ замокъ, запираетъ за собою дверцы такъ, какъ онѣ прежде были заперты.

Идя въ длину сводистаго корридора находитъ на концѣ его на лѣвой сторонѣ двери, перешедъ которыя вступаетъ на большой дворъ замка. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ вынимаетъ фонарь, чтобъ лучше различать предметы его окружающія. Множество мраморныхъ

жедомъ, вокругъ двора стоящихъ, представшимся взору его, въ концѣ которыхъ видны были большіе желѣзныя ворота, а напротивъ высѣченъ былъ входъ съ обоихъ сторонъ ограничивающійся перилами. Здѣсь находились двѣ высокихъ и узкихъ двери, изъ которыхъ онъ черезъ одну вышелъ на дворъ.

Потомъ перешелъ лѣстницу. Вправѣ и влѣвѣ шли длинныя галлереи; почему поднявъ снова свой фонарь онъ присматривался въ длину первой галлереи и видѣлъ повсюду однѣ боковыя двери; конецъ же ея граничился бѣлою стѣною, почему онъ и возвратился влѣво: эта вторая галлерея была обширнѣе первой и въ то время, когда онъ ее осматривалъ ему показалась тѣнь, укрывающаяся во мракѣ.

Графъ подавался впередъ по-тихоньку. На концѣ галлереи вправѣ былъ одинъ коридоръ препровождающій, сошедши низъ на нѣсколько шаговъ, въ другую галлерею весьма подобную той, которую

онъ оставилъ. Въ концѣ этой галлереи полуотворенная дверь вдругъ поразила его взоры: скрывъ свой фонарь онъ всматривался сквозь эти двери; но все было погружено во мракѣ; почему вынувъ опять свой фонарь, онъ взошелъ въ комнату великолѣпно убранную; но ничто не показывало что бы она была обитаема. Не видя никакого выхода, онъ возвратился опять въ прежнюю галлерею и вдругъ близкій скрипъ дверей поразилъ его вниманіе. Онъ не могъ вскорѣ узнать откуда происходилъ этотъ скрипъ и заключалъ только, что выходилъ онъ изъ галлереи, лежащей вправо отъ перилъ лѣстницы, препровождающей со двора въ замокъ, почему онъ и рѣшился идти на этотъ скрипъ, но увидѣлъ, что эта галлерея такъ какъ и прочіе оканчивалась нѣкоторыми ступенями, ведущими въ коридоръ равной длины.

Подумавъ нѣсколько о надлежащей своей дорогѣ, онъ спустился внизъ по лѣстницѣ; внизу были двери такъ какъ и съ

другой стороны. Скрывъ подъ свой плащъ фонарь и расположившись отворить двери вдругъ услышалъ продолжительное стонаніе человѣка слишкомъ къ нему близкаго, онъ обращается; но никого не было почти все это мечтой воображенія, онъ рѣшился отворить двери скорѣе, но рука его окостенѣла. Задушающіеся крики исходили изъ того покоя, возлѣ коего стоялъ онъ—онъ прислушивается;—два раза еще раздались эти крики и ему нельзя было сомнѣваться, чтобъ не изъ того покоя выходили оные. Вскорѣ молчаніе взяло власть свою. Онъ третій разъ рѣшился войти въ покой; какъ вдругъ множество голосовъ, вмѣстѣ говорящихъ въ тонѣ молящихся раздалось подъ сводами. Удивленіе его было во всей своей силѣ. Вскорѣ слышимые голоса перемѣнили свой тонъ; пѣли торжественную пѣснь духовную. Будучи не поколебимъ въ своемъ предпріятіи графъ скрылъ пока фонарь свой, отворяетъ двери и входитъ.

Напротивъ дверей этихъ находились другія сводистыя малыя, откуда лился слабый свѣтъ. Присмотрѣвшись онъ увидѣлъ себя въ малой ризницѣ позади жертвенника такой шапели, въ которую эти сводистыя двери препровождали. Онъ подался впередъ и сталъ тамъ, откуда вся внутренность храма видна была. Въ недальнемъ разстояніи отъ ступеней жертвенника блѣдная и обезображенная, въ лѣвой рукѣ съ крестомъ и съ бичемъ въ правой, фигура стояла предъ гробомъ, по другую сторону котораго три монаха стояли на колѣняхъ; ихъ-то голосъ графъ слышалъ; потому что они и тогда еще пѣли. По окончаніи своего пѣнія сдѣлали они всѣ крестное знаменіе и начали такую молитву, которою просили Божескаго милосердія виновному.—Въ то же самое время фигура, которой черное широкое платье скрывало полъ, встала и бичевала рамена свои. Мученія исторгали у ней нѣмыя стенанія, подобныя стенаніямъ, графомъ слышаннымъ. Вскорѣ монахи начали другую молитву и кающая-

ся фигура соединилась съ ними; послѣ сего они оставили капель и вышли въ дверцы находящіяся противъ жертвенника. Одинъ изъ монаховъ несъ въ рукѣ лампаду, которая въ продолженіи ихъ богослуженія горѣла на гробѣ предъ коимъ стояли они на колѣняхъ.

Прошло нѣсколько минутъ и онъ не зналъ на что рѣшиться. Вдругъ услышалъ онъ шелестъ на галлереи, скоро издохшій, посему онъ больше уже и не сомнѣвался, для чего Жакъ сказалъ ему, что сей шелестъ не могъ быть шорохомъ возвращающихся монаховъ. Скрипъ дверей, который разнесся въ замкѣ, подтвердилъ его мнѣніе.

Графъ рѣшился идти въ капель и отыскивать фигуру, имъ видѣнную. Такъ какъ онъ твердо надѣялся, не зная впрочемъ почему, что она еще не вышла изъ замка. Онъ полагалъ что эта фигура должна быть или графъ Фридерикъ или графиня Анна — естественно можно было

думать, что это Когенбургъ; однакожъ слова Альфонсовы, казалось, показывали, послѣднее. Вступя въ средину шапели, онъ нашелъ, что двери, которыми вышли монахи, были заперты. Тщетно силился онъ отворить ихъ, вдругъ свѣтъ поразилъ взоры его. Онъ скрылъ свой фонарь. Свѣтъ умножался и представилъ ему желѣзныя двери, препровождающіе въ долгой и узкой проходъ, въ концѣ котораго показалось ему почти въ ту же самую минуту съ лампадою въ рукѣ фигура имъ видѣнная въ шапелѣ. Она отворила двери насупротивныя тѣмъ дверямъ, гдѣ стоялъ графъ и заперла за собою оныя. Все погрузилось во мракъ.

Къ счастію разсвѣтъ началъ показываться, онъ скоро могъ выйти на дворъ, и зная твердо дорогу, дошелъ до потаенныхъ дверей; но сколько было велико его удивленіе, увидя ихъ запертыми; здѣсь онъ упрекалъ себя за то, что не вышелъ прежде монаховъ, тѣмъ болѣе зная изъ повѣствованія Жака, что они запирали

дверь эту по своемъ выходѣ—возвратившись на дворъ, тщетно старался онъ отворить большія вороты; они противостояли его усиліямъ.—„Какимъ же образомъ, говорилъ онъ самъ себѣ, могъ Альфонсъ выйти отсюда послѣ выхода ихъ?“—„Эта идея подала ему надежду найти другой выходъ; но по долгомъ и трудномъ отысканіи надлежало и отъ оной отречься. Онъ наиболѣе безпокоился, чтобъ Лауретта не узнала его отсутствія и недогадалась бы о причинѣ его.

Проводивши такимъ образомъ два часа въ безполезныхъ отысканіяхъ и пустыхъ жалобахъ, ему послышался звукъ ключа, въ замкѣ потаенныхъ дверей. Бирофъ прислушивается и не слышитъ ничего. Онъ вообразилъ уже, что онъ обманулся. Впрочемъ чтобъ увѣриться въ истинѣ, онъ побѣжалъ къ дверямъ—они были полуотворены, радость его была чрезмѣрна. Неразыскивая кѣмъ и для чего отворены двери, онъ бросился изъ замка со всѣхъ ногъ. Прибывъ въ трактиръ, онъ узналъ,

къ великому своему удовольствію, что Лауретта его не спрашивала и поэтому трактирщикъ не спалъ, его ожидая; то Бирофъ и удовлетворилъ любопытству его о устрашающемъ полночномъ колоколѣ и они разошлись на покой.

Здѣсь графъ съ спокойствіемъ размышлялъ о всемъ томъ, что онъ видѣлъ въ замкѣ, иногда онъ упрекалъ себя жестоко, что не выполнилъ предмета своихъ исковъ. Но вскорѣ утѣшительный гласъ совѣсти говорилъ ему, что онъ поступилъ такимъ образомъ изъ одного почтенія къ духовному отправленію. Немогши заснуть отъ безпокойствій, онъ всталъ и пошелъ въ комнату Альфонсову.—Молодой другъ его спалъ. Лауретта также не хотѣла идти въ постель и Жакъ съ удовольствіемъ принялъ повелѣніе оставить свой постъ.

Рѣшившись на второй поискъ, Бирофъ не сказалъ ни слова Лауреттѣ о своемъ посѣщеніи Когенбургскаго замка. Онъ стра-

пилея чтобъ слезы и просьбы дочери не принудили его отречься отъ своего предпріятія.

Проснувшись, долгое время Альфонсъ хранилъ молчаніе. Наконецъ онъ позвалъ Лауретту, обнялъ ее и слезы оросили щеки ея.—„А батюшка здѣсь ли? спросилъ онъ“.—Лауретта отвѣчала, что не замедлитъ придти.—„Дай Богъ! чтобъ онъ пришелъ поскорѣе, я открою ему сердце свое и если его молитвы не испросятъ мнѣ прощенія, то по крайней мѣрѣ его совѣты, можетъ быть, будутъ мнѣ полезны“.—„Альфонсъ, сказала Лауретта съ нѣжностію, неужели я недостойна раздѣлять съ этимъ почтеннымъ отцемъ твою довѣренность?“—„Ахъ! милая моя Лауретта! одна только моя любовь къ тебѣ принуждаетъ меня скрывать отъ тебя эту ужасную тайну.—Можешь ли ты подумать, что я страдаю гораздо меньше, находясь въ неизвѣстности?“ — „Ахъ! Альфонсъ, ты мало меня знаешь“.—„О! какъ ты великодушна! Для этой великой нѣжной

любви я вовлекъ тебя въ свое несчастіе, сдѣлалъ тебя жертвою отчаянія!“ — „Что ты говоришь, Альфонсъ! Я была счастлива? — Такъ! Богъ мнѣ свидѣтель, очень счастлива“. Лауретта при семъ силилась скрыть слезы свои. — „Я боюсь, не много ли уже я сказалъ, возразилъ Альфонсъ, смотря на нее пристально. Мнѣ кажется я уже сказалъ тебѣ причину моей горести, неужели я тебѣ еще не говорилъ?“ — „Позабудь ее — позабудь, заклинаю тебя“. — „Во вѣкъ, во вѣкъ не позабуду! Я столько разстроенъ, что едва помню, что случилось со мною. Неужели я не сказывалъ тебѣ, что я видѣлъ тѣнь своей матери?“ — Лауретта не знала что и отвѣчать на это. Она искала прочитать въ глазахъ отца своего, что ей сказать надлежало; но увидѣвъ, что онъ и самъ въ подобномъ замѣшательствѣ. Дверь спальни створилась и отецъ Николай вывелъ ихъ изъ замѣшательства, сѣвъ возлѣ постели больного напротивъ Лауретты. — „Добраго утра, сынъ мой, сказалъ онъ Альфонсу, да благословитъ тебя Все-

вышній". — Альфонсъ обратился къ нему. — „Какъ? Добрый пастырь, сказалъ онъ, неужели вы столь милостивы, что и мною занимаетесь?" — „Я непрестанно возсылаю о васъ къ небу теплѣйшія молитвы свои". — „И такъ вы сохраните тайну, если вамъ скажу я причину своей горести".

„Соблюдать тайну есть священнѣйшій долгъ моего званія. Говори безъ опасенія, сынъ мой, положись на меня". — „Когда пробьетъ полночный часъ подите эту ночь въ Когенбургскій замокъ. Вы найдете потаенную дверь отворенную, войдите въ шапель, тамъ упросите тѣнь моей матери простить моему непослушанію. Если вы ее и не увидите, она васъ услышитъ; ибо въ этихъ мѣстахъ она обитаетъ. Скажите ей, что я раскаиваюсь въ виновномъ своемъ посвященіи, хотя она и не сказала мнѣ ничего о тайнѣ, въ которую старался я проникнуть. Если она не проститъ меня, то смерть загладитъ мое преступленіе". — „Точно ли правда, что ты

наслѣдникъ Когенбургскаго замка?..“ сказалъ отецъ Николай, котораго всѣ поступки изъявляли удивленіе, смѣшанное съ радостію.

„Ахъ! нѣтъ! нѣтъ! Я только несчастный, оставленный Альфонсъ. Я погибъ проклятіе матери обременяетъ мою голову мою“.—„Когда вы были въ замкѣ?“ — Я былъ.... Альфонсъ остановился. Я былъ ночью, но не могу вспомнить въ послѣднюю или предшедшую ночь“.—„Это было за двѣ ночи передъ этой“, сказалъ графъ Бирофъ и Лауретта, отошедъ отъ постели и приблизившись къ окну. Отецъ Николай подошелъ къ ней и спросилъ ее.

Не супруга ли вы этого молодого человѣка?“ —„Такъ, батюшка“. —„Отрите слезы свои—ободритесь—есть еще въ жизни для васъ дни счастія“.

„Дай Богъ, батюшка, что бы вы необманулись“.

„Положитесь на благость Его. Меня благоволилъ Онъ избрать къ исполненію сей священнѣйшей должности. Несчастія ваши приходятъ къ концу„ — онъ подошелъ опять къ постели.

„Я помолюся о тебѣ, сынъ мой! успокойся положись на мои старанія, завтра я приду опять къ вамъ; до этого времени миръ да будетъ съ вами, прощайте“. — Онъ ушелъ; и слова сего монаха погрузили Альфонса на нѣкоторое время въ безмолвныя размышленія.

ГЛАВА V.

Вечеромъ отецъ Николай пришелъ опять въ трактиръ. Альфонсъ всталъ уже. Здоровье его находилось въ лучшемъ состояніи; но воображеніе все было еще болѣзненное иногда казалось даже, что разумъ совершенно оставлялъ его.—„Знали ли вы, батюшка, мать мою! сказалъ Альфонсъ Николаю при входѣ его“.—Очень, отвѣчалъ добродушный отецъ. Да и можно ли, чтобъ вы меня не узнали? прибавилъ онъ не много помолчавъ“.—„Нѣтъ! нѣтъ! Я не могу узнать васъ. Однакожъ, кажется мнѣ, что я видѣлъ у кого-то этотъ рубецъ надъ вашимъ глазомъ. Извините меня, всѣ мои мысли устремляются къ одному предмету. Скажите мнѣ, прошу васъ, имя ваше“.—„Меня назы-

вають Николаемъ и я давно уже духовникомъ вашей матери". — „Теперь я вспомнилъ объ васъ", сказалъ Альфонсъ, сжавъ крѣпко руку его и поцѣловалъ ее — такъ вы видѣли матушку въ тѣ минуты, которые были послѣдними въ ея жизни?" Монахъ колебался немного въ отвѣтѣ. Альфонсъ примѣтилъ это. — „Оказывала ли она иногда, продолжалъ онъ, желаніе увидѣть сына своего?" Отецъ Николай продолжалъ хранить молчаніе. — „Безъ сомнѣнія вамъ извѣстна несчастная моя исторія? продолжалъ Альфонсъ?" — „Очень". — „Ахъ! за что она изгнала меня? За что лишила меня своей нѣжности? Несчастный Альфонсъ! Жестокая мать! Убитый отецъ! Благоволи великій Боже! узнать его убійцу! Обѣтъ моего мщенія начертанъ въ небѣ, я здѣсь вторично клянусь и"... — „Успокойся сынъ мой! прервалъ монахъ его Проливъ кровь подобнаго себя человѣка, ты не возвратишь жизни отцу своему. Зачѣмъ хочешь обагрить кровію невинныя руки свои?" — „Правда, ваша

правда, батюшка. Небо лучше умѣетъ наказать преступника. Ахъ! если уже должно было погибнуть отцу моему, то для и чего не погибъ онъ отъ руки другаго?“

Отецъ Николай испустилъ глубокій вздохъ.—„Могилъ когда-нибудь подумать знающіе графа Фридерика, чтобъ онъ могъ убить брата своего?—„Если вы такъ думаете, то вы оскорбляете память его“.—„Такъ и онъ умеръ.....? Одинъ только я..... Я только живу на свѣтѣ, чтобъ влачить несносное бремя моей горести. Помнится мнѣ, что приказывая мнѣ удалиться, мать моя говорила о невинности дяди моего; но прежде сего она увѣряла меня, что онъ виновенъ. Какая странная тайна!“

Здѣсь нѣсколько времени хранилось молчаніе. — „Такъ какъ вы защищаете невиннаго, то объявите мнѣ виновнаго! вскричалъ Альфонсъ, пришедъ въ чувство, скажите мнѣ, заклинаю васъ, того,

кого я долженъ ненавидѣть и управляйте мстительною этой рукою!“ — „Истреби, сынъ мой! истреби мысль о мщеніи. Человѣколюбіе должно быть каждому свойственно, да и кто имѣетъ большее право на состраданіе наше, какъ не несчастный, мучимый угрызеніями совѣсти, которая непрестанно упрекаетъ его смертоубійствомъ“. — „Но могу ли я батюшка повиноваться словамъ вашимъ? Еще и нынѣ обливается сердце мое кровію при одномъ воспоминаніи о смерти отца моего.“ — „Чѣмъ важнѣе тѣ искушеніи, подъ которыя подпадаемъ мы, тѣмъ большая ожидаетъ насъ награда, если мы будемъ умѣть не совращаться съ узкой стези христіанскаго долга“. — Если моя мать знала убійцу..... вскричалъ Альфонсъ, который, казалось, не обращалъ вниманія къ послѣднимъ словамъ отца Николая; но вдругъ перервавши рѣчь свою, но знала ли она его? спросилъ онъ“. Старецъ хранилъ молчаніе. — „Такъ скажите же лучше, что она умертвила его, терзайте сердце мое — но скажите рѣшительно.

Пусть лучше смерть прекратитъ мое смертельное страданіе, чемъ столь долго мучиться таинственною неизвѣстностью!“

Чувствительный старецъ не могъ удержать при семъ слезъ своихъ. — „Но нехотѣлось ли бы вамъ лучше, чтобъ живъ былъ отецъ вашъ, хотя бы вы и не должны были видѣть его, нежели знать о смерти его?“ — „Точно! небо мнѣ въ томъ свидѣтель!“ — „А еслибъ ваше отсутствіе было единственнымъ, оставшимся ему утѣшеніемъ, то довольно ль ощущаете вы въ себѣ сыновней горячности, чтобъ повиноваться ему?“ — „Ахъ! съ чѣмъ бы тогда поравнялось мое счастіе, если бы услышалъ, что онъ живъ еще! — Но къ чему клонятся ваши вопросы? Я знаю, что онъ не существуетъ, къ чему жъ разстраивать мое воображеніе? — „Вѣрите ли вы, что и мать ваша имѣетъ подобное право на ваше послушаніе?“ — „Ахъ! не мучьте меня! Не упрекайте меня въ томъ, что я лишился мужества и силы, преступивъ ея приказаніе“. — „Соберите-жъ те-

перь всѣ силы свои—внимайте.“ —„Что вы хотите этимъ сказать?“ —„Мать ваша жива, но вы не должны видѣть ее“.— „Мать моя жива! повторилъ Альфонсъ разительнымъ голосомъ и упавши на колѣни, воздѣлъ руки свои—Ангелъ милосердія! благодарю тебя, и такъ ее видѣлъ я! И такъ не ослушаніе мое вызвало ее изъ гроба! И такъ очи, устремленные ею на меня не были очи смерти! Благодарю тебя, великій Боже!“ Крупныя слезы облегчили сердце, окропивъ ланиты его.

Всеобщее молчаніе. Альфонсъ первый прервалъ его. — „Нельзя ли еще хотя одинъ разъ увидѣть ее? — Только одинъ разъ, чтобъ испросить у ней прощеніе“.— Вы прощены уже. Я могу васъ въ томъ увѣрить, отвѣчалъ монахъ“.—„Скажи же мнѣ теперь, скажи, для чего она не хочетъ со мною видѣться; но сколько бы не велико было сраженіе между долгомъ и нѣжностью, я не буду болѣе требовать съ нею свиданія“. — „Причина отказа ея справедлива. Она мнѣ позволила вамъ

открыть оную и я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не прекратили своихъ домогательствъ, если оную узнаете". — „Говорите, говорите!" — „Чувствуете ли вы, столько мужества, чтобъ внимать ужасному повѣствованію, котораго обстоятельства всѣ для васъ равно нужны?" — „Чувствую чувствую. Несчастіе давно уже меня ко всему предъуготовило". — „Я не думаю, чтобъ нужно было рекомендовать тайну женѣ, когда она важна для ея мужа, сказалъ монахъ, посмотрѣвъ на Лауретту и обратившись потомъ къ графу Бирофъ, который совершенно понялъ его. — „Не думайте такъ, батюшка! сказалъ онъ, чтобъ Альфонсъ опасался нескромности отъ отца Лауретты". Монахъ показалъ свое удовольствіе наклоненіемъ головы и началъ такимъ образомъ:

„По смерти вашей тетки — жены графа Фридерика Когенбурга, великодушные попеченія, прилагаемыя вашею матерью о дѣтяхъ его, подали причину отцу вашему думать, что вниманіе ея къ дѣтямъ

происходитъ единственно отъ любви къ отцу ихъ. Я не могу приписать иной причины сему несчастному подозрѣнію, кромѣ природнаго расположенія графа Альфонса къ ревности и я увѣренъ о невинности дяди вашего.

Въ продолженіи трехъ первыхъ лѣтъ по смерти жены своей графъ Фридерикъ имѣлъ несчастіе лишиться внезапно дѣтей своихъ. Немогши болѣе смотрѣть великодушно на тѣ мѣста, которыя ежечасно исторгали у него столь лютое воспоминаніе, рѣшился онъ путешествовать. Онъ поѣхалъ въ Венецію. Тамъ случай познакомилъ его съ молодою особою, которая, показалось ему, судьбой опредѣлена была вознаградить претерпѣнную имъ потерю; но скупой отецъ принудилъ ее дать руку такому человѣку, котораго она не любила, это заставило его оставить Венецію. Всѣ путешествія, всѣ поиски вашего дяди были послѣ тщетны, онъ не могъ отыскать того мѣста, въ которое она была отправлена“.

Здѣсь монахъ, примѣтивъ смущеніе графа и Лауретты, прервалъ свое повѣствованіе и спросилъ ихъ о причинѣ столь явной перемѣны. Графъ объяснилъ оную въ немногихъ словахъ къ величайшему удивленію монаха, который потомъ сказалъ имъ, что по отъѣздѣ графа Бирофъ изъ Венеціи, Аріено приказалъ распространить слухъ, что зять его, убивши на поединкѣ сына нѣкотораго сенатора, убѣжалъ съ своею женою въ Испанію. А слѣдственно и поиски графа Фридерика ограничивались въ семъ государствѣ.

Графъ Бирофъ довольно зналъ Аріено и потому ни мало не удивлялся сему новому доказательству безчестія его.

Всякій разъ, продолжалъ монахъ, обратившись къ Альфонсу, когда дядя вашъ возвращался въ Германію безпокойствія отца вашего возрождались. Онъ видѣлъ брата своего, терзаемаго печалію и постоянный отказъ графа Фридерика — открыть ему причину оной, питалъ и уве-

личивалъ еще его подозрѣніе. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ и послѣ многихъ путешествій, дядя вашъ, наконецъ, возвратился, рѣшившись совсѣмъ не заниматься безполезными поисками. Онъ уединился въ домѣ своемъ, имѣя твердое намѣреніе жить далеко отъ свѣта и не выходить никуда, кромѣ замка брата своего. Каждое его посѣщеніе усугубляло подозрѣніе отца вашего и хотя онъ самъ всегда былъ въ то время, когда графъ Фридерикъ находился съ женою его; однако жъ подозрѣвалъ, что между ними находилась преступная связь. Наконецъ, немогши болѣе терпѣть, мучаясь неизвѣстностію, рѣшился онъ обнаружить свои сомнѣнія, будучи увѣренъ, что не можетъ быть несчастнѣе, какой бы не былъ успѣхъ отъ хитрости, которую онъ вознамѣрился употребить.

Онъ распространилъ слухъ, что нѣкоторое весьма важное дѣло требуетъ его въ Вѣну. Этому слуху, вѣроятно, повѣрили. Наканунѣ, предъ своимъ отъѣздомъ,

пошелъ онъ къ брату и сказалъ ему, что имѣетъ ему ввѣрить нѣкоторое дѣло весьма великой важности и что въ такомъ обстоятельствомъ имѣетъ онъ нужду въ его помощи. Графъ Фридерикъ обѣщалъ ему оную. Тогда отецъ вашъ требовалъ отъ него клятвы въ сохраненіи тайны, прежде нежели онъ узнаетъ ее. Сначала дядя вашъ представлялъ ему нѣкоторыя возраженія. Но по вторичной просьбѣ брата своего клялся онъ не открывать никому ввѣряемой ему тайны. Тогда отецъ вашъ сказалъ ему, что онъ имѣетъ причину сомнѣваться въ вѣрности жены своей—графъ Фридерикъ чрезвычайно удивился и отецъ вашъ истолковалъ сіе весьма естественное удивленіе въ худую сторону. Потомъ графъ Фридерикъ спросилъ у своего брата объ имени того, который, по его мнѣнію, былъ любовникомъ жены его.—„Я его знаю, этого довольно, отвѣчалъ отецъ вашъ. Прошу васъ только употребить всѣ свои старанія въ продолженіи моего отсутствія, воспламенить любовь въ женѣ моей, и при моемъ воз-

вращеніи увѣдомить меня объ успѣхахъ своихъ".

Графъ Фридерикъ съ жаромъ оспаривалъ такое предпріятіе, которое не могло имѣть, по его мнѣнію, желаемаго успѣха. Но братъ его столь сильно настаивалъ, что наконецъ, онъ согласился попытаться.

На другой день, день роковой! отецъ вашъ оставилъ замокъ и взявши съ собою стараго Роберта, въ вѣрности коего онъ не сомнѣвался, присталъ въ хижинѣ моей сестры, имѣющей положеніе къ сѣверу въ пяти миляхъ отъ Когенбургскаго замка. Я также былъ соучастникомъ въ тайномъ планѣ отца вашего, а посему-то прежде еще велѣлъ приготовить все нужное въ семъ мѣстѣ для прибытія.

Около двухъ мѣсяцевъ несчастная мать ваша, противъ воли своей, принуждена была сносить непрестанныя услуги и притворныя ласки графа Фридерика, на котораго жаловалась она мнѣ тайно.

Дядя вашъ очень часто писалъ къ своему брату, и эти письма наполнены были одною лишь похвалою вѣрности графини Анны. Въ послѣднемъ же письмѣ, прибавилъ онъ такъ, какъ неоспоримое доказательство ея невинности, что ни одинъ человѣкъ, исключая его и меня, по отъѣздѣ его, не были приняты въ замкѣ.— Эти письма совсѣмъ произвели противное тому дѣйствіе, котораго ожидалъ графъ Фридерикъ.

Наконецъ насталъ тотъ день, который, по мнѣнію отца вашего, долженъ былъ рѣшить его счастіе или несчастіе. Роберть, такъ какъ прежде сего условился, возвратился въ замокъ, и разгласилъ, что господинъ его, возвращаясь изъ Вѣны, убитъ въ Волфскомъ лѣсу. Почему поведеніе вашего дяди въ продолженіи сего отсутствія заставило мать вашу думать, что онъ убійца ея супруга. „Такъ! вскричалъ Альфонсъ, я помню это; она его обвиняла въ семъ преступленіи и тогда-то я поклялся въ.....“

Теперь не говори о семъ болѣе, сказалъ старецъ, прервавъ рѣчь его. Выслушай, сынъ мой, страшный конецъ печальной этой повѣсти. Когда графъ Фридерикъ прибылъ въ замокъ, то вы его оставили одного съ вашей матерью. Она его обвиняла въ смертоубійствѣ брата своего. Онъ клялся, что онъ невиненъ и возобновивъ увѣреніе мнимой любви своей, уѣхалъ.

На другой день, какъ вамъ извѣстно, онъ опять прибылъ въ замокъ. Опять говорилъ о любви своей. Графиня бросившись на колѣна заклинала его не присоединять новыхъ мученій ко всѣмъ тѣмъ, которыя уже претерпѣла она отъ него. Въ эту минуту, какъ мнѣ послѣ уже сказала мать ваша, вошли вы въ горницу. Настала ночь. Тогда провелъ я отца вашего въ замокъ, такъ что никто его не примѣтилъ. Вы можете понять, что онъ не вѣрилъ, чтобъ братъ его писалъ ему истину. Все то, что онъ дѣлалъ до сего времени, клонилось къ тому, чтобъ

обмануть ихъ обоихъ скрыть подъ непроницаемою завѣсою опасный опытъ, котораго тайны никому не открылъ онъ.

Въ самую полночь мать вашу вдругъ обезпокоилъ шорохъ, услышанный ею въ спальнѣ, она вскричала. Вскорѣ раздался голосъ, который почла она голосомъ графа Фридерика. Тонъ его былъ обыкновенный—тонъ любви. Она соскочила съ постели. Особа, которой слышала она голосъ, подошла къ ней и взяла ее за лѣвую руку. Графиня протянула правую на ночной столикъ и схвативши положенный ею на ономъ для защищенія отъ графа Фридерика, еслибы ему вздумалось употребить насиліе, кинжалъ, пронзила имъ сердце удерживающей ее особы.

Во весь остатокъ ночи она думала, что умертвила графа Фридерика; но увы! при первыхъ дневныхъ лучахъ увидѣла она супруга своего, утопающаго въ крови своей! Въ эту самую минуту, вспомнила о клятвѣ, которой она отъ васъ потре-

бовала. Потерявъ разсудокъ, считала она, что сынъ ея не будетъ виновенъ, если исполнить когда-нибудь свое обѣщаніе. Вы лучше знаете, нежели я, прочія страшнаго сего утра происшествія". —„О! Боже! вскричалъ Альфонсъ такимъ голосомъ, который означалъ глубочайшее отчаяніе, даже до сего дня не зналъ я еще бѣдственнаго моего состоянія во всемъ его пространствѣ? Милосердый Боже! прости несчастную мать мою! — Забудь заблужденіе отца моего! — Справедливо сказали вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ отцу Николаю, что я не захочу ослушаться матери моей! Когда знаю причину ея приказаній. Непослушаніе мое было бы приговоромъ къ смерти, какъ для матери, такъ и для сына! Ахъ! этотъ обѣтъ....." Онъ не могъ говорить далѣе и упалъ безъ памяти въ объятія графа Бирофъ. Пришедши въ себя, взоръ его устремился на отца Николая. О, бѣдный Альфонсъ! выбирай, если можешь, что нибудь между отцеубійствомъ и клятвопреступленіемъ". Онъ лепеталъ еще нѣ-

сколько словъ, коихъ за всхлипываніемъ неможно было разслушать.

„Успокойся, сынъ мой, сказалъ святой мужъ; церковь имѣетъ власть освободить васъ отъ страшной клятвы вашей“.

„Ахъ! окровавленную руку ея! кажется и теперь еще вижу ее! Я хотѣлъ ее обнять, но она меня отголкнула! Какой ужасъ!“ помолчавъ, вскричалъ онъ, „я клялся отнять жизнь у той, которая мнѣ дала оную! Здѣсь вздрогнулъ онъ, безуменъ былъ я, думая, что уже касался границъ несчастія, прежде нежели услышалъ ужасное это повѣствованіе! но и теперь даже чувствую, что еще не достигъ до того... Нѣтъ! не исторгнуть ее изъ объятій моихъ“. Произнося послѣднія эти слова, побѣжалъ онъ къ Лауреттѣ и прижалъ ее къ груди своей.

„Продолжайте, батюшка, обратившись къ монаху, сказалъ онъ, теперь я все могу выслушать. Теперь уже разсудокъ

мой, чувства мои—всему воспротивятся, прошу васъ, продолжайте".

Въ немногихъ словахъ окончу мое повѣствованіе, отвѣчалъ монахъ. Мать ваша прислала за мною очень рано. Она мнѣ призналась въ непроизвольномъ своемъ преступленіи и въ послѣдствіяхъ онаго. Вскорѣ потомъ и графъ Фридерикъ прибылъ въ замокъ. Я разсказалъ ему это ужасное приключеніе. Никогда не видѣлъ я столь глубоко пораженнаго человѣка. Онъ тогда же открылъ вашей матери причину мнимой любви своей, и проклиналъ самъ себя, что былъ слѣпымъ орудіемъ ревниваго брата своего. — Графиня умоляла меня какъ можно скрывать истинную причину смерти мужа ея и распространить въ свѣтѣ молву о собственной ея смерти. Для сего надлежало мнѣ открыться нѣкоторымъ изъ собратій моихъ, и похороны ея были великолѣпны, какъ будто бы она дѣйствительно скончалась. Послѣ сей церемоніи, такъ какъ вы не являлись и какъ графъ Фридерикъ

изъяснилъ желаніе окончить дни свои въ уединеніи, въ монастырѣ Св. Павла, то служители были отпущены и ворота замка затворены.

Въ это время мать ваша удалилась въ особливый покой, въ которой приведетъ тайная дверь южной башни. Я носилъ ей каждый день провизію. Въ слѣдующую ночь по запустѣніи замка, она объявила мнѣ твердое намѣреніе провести остатокъ дней своихъ въ замкѣ, въ уединеніи. Я старался истребить въ ней мысль эту; но она пребыла тверда въ своемъ намѣреніи и всѣ мои доказательства нисколько на нее не могли подѣйствовать. Благодаря искусству Роберта, гробъ перенесенъ былъ изъ Вольфскаго лѣса въ замокъ, пустой. Тайно положили мы въ оном остатки отца вашего и помѣстили оный подъ поломъ шапели въ пещерѣ. — Но вскорѣ графиня потребовала, чтобъ гробъ внесенъ былъ въ храмъ и тамъ-то отъ сего времени препровождаетъ она всякую ночь въ молитвахъ и налагаетъ на себя

произвольное наказаніе. — „Тамъ-то я и видѣлъ ее, прервалъ его Альфонсъ. Она показалась мнѣ выходящею изъ гроба“. — „Но полночный колоколъ, батюшка!...“ сказалъ графъ Бирофъ. — „Она звонитъ въ него — прервалъ монахъ, чтобъ отдалить всѣхъ отъ замка, заставить думать что онъ населенъ духами, и чтобъ увѣдомлять двухъ монаховъ нашего монастыря, кои по-очередно, всякую ночь, посѣщаютъ ее вмѣстѣ со мною и присоединяютъ святыя молитвы свои къ ея молитвамъ на гробѣ мужа ея.

„Но вы не были съ нею, сказалъ Альфонсъ, когда я видѣлъ ея въ шапели?“

„Нѣтъ, мы тогда уже оставили замокъ; а она осталась предъ гробомъ молиться“. — „Почему вы это знаете?“

„Она сама мнѣ сказала, что въ ту ночь, въ которую я теперь знаю уже, что вы вошли въ замокъ. Она видѣла

одного человѣка приближавшагося на нѣсколько шаговъ въ шапель и съ ужасомъ убѣжавшаго, когда онъ ее примѣтилъ“.

„О страшная ночь! О! лютое воспоминаніе! Чего я не претерпѣлъ?“

„Какимъ же образомъ вышли вы изъ замка?“ спросилъ отецъ Николай.

„Ужасъ и заблужденіе разума, дали мнѣ силу разбить оконницу, обращенную на дворъ и чрезъ нее-то я спасся“.— „Графъ Фридерикъ, продолжалъ монахъ, удалился въ монастырь Св. Павла и немногимъ пережилъ брата своего. По смерти отца вашего, монахи монастыря Св. Духа пользовались, съ позволенія вашей матери, всѣми доходами съ Когенбургской земли, въ награду за ночныя ихъ посѣщенія и молитвы. Я часто заклиналъ ее послать искать васъ и возстановить всѣ права ваши; но заблужденіе ея разума, съ которымъ она принимала мои предло-

женія, препятствовало мнѣ приклонить ее къ этому. Вчера, поутру, я посѣтилъ ее одинъ, чтобъ сообщить ей свои подозрѣнія, которыя произвели во мнѣ ваше имя и нѣсколько сказанныхъ вами словъ. Я сказалъ ей, что сынъ ее, какъ мнѣ думается, находится въ сосѣдствѣ замка.— „Не въ исходѣ ли третьяго часа, спросилъ графъ Бирофъ“. Утвердительный отвѣтъ отца Николая выяснилъ графу, почему нашелъ онъ потаенную дверь отворенною, добрый отецъ продолжалъ:— „Мать ваша имѣетъ чрезвычайно угнетенный разумъ, казалось, сомнѣвалась, что вы такъ близко отъ нея находитесь. Однако жъ она просила меня взять съ васъ обѣщаніе не искать съ нею свиданія, еслибъ мои подозрѣнія сдѣлались справедливыми. Наконецъ утрешній мой съ вами разговоръ разсѣялъ мои сомнѣнія и я пошелъ опять посѣтить ее сего дня послѣ обѣда. Сверхъ моего ожиданія она меня слушала съ спокойствіемъ. Сколько слезъ пролила она, услышавъ, что она видѣла и не узнала васъ, откры-

ла мнѣ, что намѣрена возвратить всѣ ваши права; когда она совсѣмъ оставитъ замокъ и сверхъ сего просила меня сказать вамъ, что когда я вамъ разскажу ея несчастную исторію, единственное доказательство любви, которой она желаетъ и надѣется отъ васъ, есть не стараться болѣе видѣть ее.

Альфонсъ не имѣлъ силъ отвѣчать и даже едва могъ внимать послѣднимъ словамъ отца Николая; почему отецъ Николай совѣтовалъ ему отдохнуть и стараться нѣсколько успокоить волненіе своего духа; Альфонсъ легъ на постелю какъ такой человѣкъ, который едва знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Ни одного слова не произнесъ онъ въ продолженіи ночи.

Монахъ, сказавши нѣсколько утѣшительныхъ словъ Лауреттѣ, утопающей въ слезахъ, а графъ Бирофъ, что по нѣкоторому важному дѣлу принужденъ онъ ихъ оставить до слѣдующаго утра, вышелъ изъ трактира, давши благословеніе всѣмъ въ немъ живущимъ.

Ночь протекла въ мертвомъ молчаніи,

которое прерываемо было нѣкоторыми только разсужденіями графа и Лауретты о повѣсти монаха и частыми глубокими вздохами Альфонса.

Въ десять часовъ утра пришелъ отецъ. Альфонсъ погруженъ былъ въ сладкій сонъ, и уже близъ двухъ часовъ онымъ наслаждался; почему въ ожиданіи его пробужденія, графъ Бирофъ и монахъ имѣли пространную нить къ разговору, который непрестанно продолжался даже до той минуты, въ которую Лауретта пришла имъ объявить, что Альфонсъ всталъ уже, и они пошли въ его комнату.—„Батюшка, сказалъ Альфонсъ, какъ скоро увидѣлъ монаха, вы не сказали мнѣ, куда удалилась мать моя“.— „Когда я, вчерась, оставилъ ее, то она была еще въ Когенбургскомъ замкѣ. Эту ночь проводилъ я ее въ монастырь Дѣвы Маріи, лежащій въ семи миляхъ отсюда, въ которомъ даже самыя пансіонерки, когда онѣ взойдутъ въ стѣны его, то уже не могутъ болѣе принимать ни одного чужеземца“.

„Скажите, скажите, что она сказала, оставляя васъ? Нельзя, чтобъ она чего-нибудь обо мнѣ не говорила?“

„Она принудила меня сказать вамъ, что она не даетъ вамъ своего благословенія, опасаясь, чтобъ не навлечь на васъ небеснаго проклятія. Проситъ васъ поминать ее въ вашихъ молитвахъ и иногда бросить жалостный взглядъ на сей портретъ“.

Въ это самое время монахъ вручилъ Альфонсу миніатюрный портретъ его матери.

Взглянувъ на него Альфонсъ съ нѣжностью поцѣловалъ его.—„Прости ей, великій Боже!“ вскричалъ онъ. Къ портрету была привязана большая ленточка; почему онъ и повѣсилъ его на грудь свою.—„Отдыхай здѣсь въ спокойствіи и да соединятся нѣкогда, о родители мои, почтенные ваши тѣни въ блаженнѣйшемъ мѣстопребываніи, какъ соединились ваши изображенія—теперь въ сердцѣ моемъ“.

ГЛАВА VI.

По прошествіи нѣсколькихъ дней здоровье Альфонса дозволило ему посѣтить Когенбургскій замокъ. По приказанію отца Николая гробъ, заключающій прахъ послѣдняго графа, опять помѣстили въ пещеру. Довольно прошло времени прежде нежели Альфонсъ могъ войти въ шапель и въ ту спальню, въ которую входила мать его отдать ему таинственный приказъ удалиться изъ замка.

Графъ Бирофъ и отецъ Николай взяли на себя сдѣлать нужныя приготовленія, которыя по долгому запустѣнію замка были необходимы. Лишь только успѣлъ Жакъ узнать, что Альфонсу, наконецъ, возвращается и достоинство его и его богатство, то онъ самъ не свой сдѣлался

отъ радости. И не могши изъяснить оной Альфонсу и Лауреттѣ, пѣлъ и плясалъ безпрерывно; хозяинъ же трактира со времени прибытія нашихъ путешественниковъ, оказывая имъ внимательнѣйшія услуги, не зналъ что имѣетъ честь принимать у себя наслѣдника Когенбургскаго замка—теперь же услуги его даже сдѣлались несносными и потеряли всю цѣну, которую придавало прежде имъ естественное добродушіе его сердца. Онъ безпрестанно заботился и весьма рѣдко удостоивалъ своихъ отвѣтовъ вопросы къ нему относимые, при всей великой своей говорливости.

По частымъ посѣщеніямъ, кои отецъ Николай продолжалъ съ давняго времени въ сосѣдственномъ селѣ, въ двойномъ достоинствѣ священника и врача, знали его всѣ обыватели. Здѣсь-то онъ выбралъ служителей для Альфонса; не позабылъ ослабить всѣми возможными средствами удивленіе, возбужденное внезапнымъ явленіемъ наслѣдника Когенбургской фамиліи.

Наконецъ, когда Альфонсъ установилъ пребываніе свое въ замкѣ, то получилъ поздравленіе отъ монаховъ монастыря св. Духа. Не мѣсто здѣсь разсматривать согласно ли было сердце съ языкомъ ихъ; впрочемъ видно было, что они дѣлали то съ удовольствіемъ. — „Вы весьма кстати пили св. отцы! за здравіе Духа. Если Богу будетъ угодно, то вы скоро перестанете пить!“ вскричалъ Жакъ, стоя въ углу двора замка при ихъ выходѣ и нахохотавшись до сыта.

Не теряя времени, отецъ Николай писалъ къ епископу, объявилъ ему обстоятельства клятвы Альфонса и просилъ его о разрѣшеніи. Онъ скоро получилъ желаемое, съ тѣмъ однако жъ, чтобъ Альфонсъ установилъ вѣчную пенсію для монастыря бѣдныхъ монахинь и чтобъ выдержалъ онъ легкую эпитимію.

Три уже мѣсяца протекло пребыванія Альфонса въ Когенбургскомъ замкѣ, восхитительныя сцены домашняго благополучія заставляли его позабыть прошедшее.—Въ одно утро Жакъ, почти задох-

шись, прибѣжалъ въ залу. — „Ахъ, м-сье! вскричалъ онъ, относясь къ графу Бирофъ, какое счастіе! Слава Богу, м-сье! Теперь у насъ нѣтъ болѣе враговъ въ свѣтѣ, кромѣ дяди моего Перлета и Бастиліи. Графъ Бирофъ приступилъ къ нему, спрашивалъ у него причины столь не обыкновенной его радости — и не получилъ никакого отвѣта; радость долгое время отнимала языкъ его. — „Кроонцеръ на галерахъ со всею шайкою!!! вскричалъ онъ, наконецъ. — „Почему же ты знаешь? спросилъ его графъ". — „Я вамъ разскажу почему я знаю, м-сье! Вздумалось мнѣ пройтиться до трактира (это была обыкновенная прогулка Жака, сдѣлавшагося искреннимъ другомъ харчевника), и между тѣмъ какъ я былъ тамъ, м-сье! взошелъ туда одинъ чужестранецъ". — „Что новаго, спросилъ его трактирщикъ". — Чужестранецъ отвѣчалъ, что недавно поймалъ шайку разбойниковъ въ одномъ старомъ замкѣ на одинъ день отъ Инспрукской дороги. „Я думаю, м-сье! вы уже знаете, что я уже обо

всѣмъ догадался тутъ.—Какъ же ихъ нашли? спросилъ я его. Разбойники, сказалъ иностранецъ, напали на одного дворянина, ѣдущаго по той дорогѣ. Слуги его успѣли захватить одного изъ мошенниковъ, который и признался во всѣмъ и открылъ ихъ убѣжище. Взяли подъ стражу и императоръ осудилъ ихъ продать туркамъ, какъ галерныхъ".

Графъ Бирофъ взялъ почти въ ту же минуту надлежащія мѣры—увѣриться въ истинѣ, и послѣдствія подтвердили, къ великому удовольствію Жака, истину, который современи побѣга своего изъ развалинъ стараго замка, всегда находился въ великомъ страхѣ, чтобъ не попасть въ руки мошенниковъ и чтобъ они жестоко не наказали за побѣгъ его. Самъ графъ Бирофъ весьма былъ доволенъ, что ему нечего было опасаться Кроонцера.

Въ это время Альфонсъ послалъ въ Италію человѣка, о вѣрности котораго ручался отецъ Николай, чтобъ увѣриться живъ ли еще графъ Аріено; если онъ не

умеръ, то намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ самому ѣхать съ Лауреттою въ Венецію, почитая оную единственной законною наслѣдницей имѣнія графа Аріено. Онъ надѣялся, что ея дѣдушка стараніями его признаетъ ее; но посланный его возвратился съ печальнымъ изъясненіемъ, что графъ Аріено, будучи открытъ, умеръ на эшафотѣ и что всѣ его сокровища конфискованы.

Графъ Бирофъ и дочь его не могли удержаться, чтобъ не оплакивать ужасный жребій такого человѣка, котораго жизнь была ни что иное, какъ наказаніе человѣчеству.

Графиня Анна не долго прожила въ избранномъ ею уединеніи—она тамъ окончила плачевный остатокъ дней своихъ. Будучи увѣренъ, что Богъ милосердый простилъ ей невольное преступленіе, Альфонсъ не оплакивалъ кончины ея, которая пресѣкла ея бѣдствія и горести.

Спустя нѣсколько лѣтъ, не предвидѣнный случай свелъ вмѣстѣ Альфонса съ барономъ Шмальдартскимъ. Время укро-

тило гнѣвъ его, который возбудила въ немъ смерть Шевалье Еньена противъ Альфонса. Впрочемъ, этотъ послѣдній всегда желалъ примиренія съ этимъ великодушнымъ благодѣтелемъ. Примиреніе сдѣлалось такъ, что ни тотъ, ни другой не оказалъ противъ сего отвращенія къ великому ихъ удовольствію.

Баронъ съ признательностію принялъ Альфонсово приглашеніе посѣщать его замокъ время отъ времени. Чувствительное его сердце трогалось при видѣ сценъ восхитительныхъ. Альфонсъ и Лаурстта его, живя во всемъ блескѣ ихъ достоинства, наслаждались при своемъ первомъ богатствѣ домашнимъ счастіемъ.—Бирофъ живя въ почтеніи у зятя и дочери его, видѣлъ любовь и ласки внуковъ своихъ, которые, возрастая въ глазахъ нѣжной матери, были счастливы, а можетъ быть гораздо счастливѣе потому, что были воспитаны отцемъ достойнымъ этой важной должности.

Страшитесь, дѣти мои! часто повторялъ имъ Альфонсъ, когда они достигли

до возраста, страшитесь недовѣрчивости и ревности, онѣ произраждаютъ всѣ преступленія, бывъ сами пороками, онѣ не различаютъ невиннаго отъ преступника, возмущаютъ тѣхъ, которые предадутся имъ, умираютъ съ ихъ смертію и очень часто проклятіе простирается даже и на потомство. Недовѣрчивость и ревность— суть дочери ада; и милосердіе должно восторжествовать надъ ими; такъ какъ оно есть порожденіе небесное.

КОНЕЦЪ.

W381.5917N-P766

W117155